

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА ПОЗАВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА

В. НОВОДВОРСКИЙ

Super Издательство
2016

Владимир Новодворский

**Сегодня и вчера,
позавчера и послезавтра**

«СУПЕР Издательство»

2016

УДК 82-4
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Новодворский В.

Сегодня и вчера, позавчера и послезавтра /
В. Новодворский — «СУПЕР Издательство», 2016

ISBN 978-5-9909182-8-3

Героев романа «Сегодня и вчера, позавчера и послезавтра» связывают родственные узы, прослеживаются фрагменты историй личной жизни пяти поколений, начиная с конца 19 века до 2040 года. Среди них сын священника и сапожника, бухгалтера и офицера, дочь чекиста и дочь дворянина, родственница известного русского писателя. В их судьбы вмешиваются мятежный дух революции, первая и вторая мировые войны, сталинские репрессии, времена застоя и техногенное будущее. Все это представлено, как одновременный срез разных времен, прослеживается взаимосвязь передаваемых из поколения в поколение программ, определяющих возникновение неразрешимых противоречий между мужчинами и женщинами, и чем больше дети стараются избежать ошибок родителей, отрицая их путь, тем больше они натываются на схожие камни, разбивающие их семейную жизнь. Но у них есть выбор, чтобы понять – кто они и зачем пришли на эту Землю и какое место любви на этом бесконечном пути, и им под силу пройти свой путь так, чтобы те, кто придут за ними, могли расти дальше, изменяя себя и мир.

УДК 82-4
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9909182-8-3

© Новодворский В., 2016
© СУПЕР Издательство, 2016

Содержание

1	7
2	8
3	10
4	12
5	14
6	15
7	16
8	19
9	20
10	21
11	23
12	25
13	27
14	28
15	30
16	32
17	33
18	34
19	37
20	38
21	40
22	42
23	44
24	45
25	47
26	49
27	51
28	52
29	54
30	56
31	58
32	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Новодворский

Сегодня и вчера, позавчера и послезавтра

Счастье – это когда любишь человека, любящего тебя, не за то, что он любит тебя, не за то, какой, и не за то, что в нём, и что у него, а за то, что он есть в этом Мире и Бог дал радость его встретить и разделить с ним самое важное, что у тебя есть – Жизнь.

Быть собой – трудно..., встать на место другого – трудно..., боимся – осудят, накажут, разлюбят..., предпочитаем жизнь со страхом жизни с собою..., себя надо любить, а за страх прятаться..., прятаться учили, а любить – нет, кого-то – да, а себя – нет..., тогда – полюби страх, открой дверь и отпусти его, и найдёшь себя...

Можно остановить поезд, машину, человека, но попробуйте остановить мысль, попробуйте поймать паузу, поймать то, из-за чего она рождается, попробуйте... и мир Ваш.

Когда наконец понимаешь..., что жизнь только начинается..., она заканчивается..., так учит ценить..., понимать..., радоваться..., как только она начинается...

*Персонаж, родившийся вчера,
продолженья требует сегодня,
то, что поглотила тьма,
возникает в отражении снова,
заставляя все тащить со дна
в послезавтра из позавчера.*

www.landing.superizdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Владимир Новодворский, 2016

© Super Издательство, 2016

1

По истечении лет начинаешь тонуть во времени. Скорости света и звука служат камертоном скорости жизни, быстротечность которой поражает в конце и забавляет в начале. Морскую рыбку, наблюдающую за жизнью в аквариуме из полиэтиленового мешка с водой, смертельно пугает не разлука с прекрасным подводным миром, а изоляция, неопределенность, отсутствие скорости. При потере скорости остро ощущаешь уходящее время и приходящее одиночество. Попытка придать себе ускорение рождает тревогу, она выхватывает наугад дремлющие мысли, разгоняет их и отпускает в свободное плавание. Они набирают силу, ощущают собственную значимость, сталкиваются, теряют уверенность и ориентацию, создают хаос. Спасаясь бегством, цепляешься за людей, за знания, тратишь деньги. Ищешь вокзал, перрон, видишь уходящий поезд, увозящий твоё время, прыгаешь на подножку, срываешься, впииваешься кончиками пальцев в ступеньки последнего вагона, ноги скачут по лестнице из шпал, пытаешься найти опору, тормозишь, падаешь, пыль прячет реальность, ссадины просят внимания, глаза находят стрелки часов, двигаются с ними, круг превращается в спираль, затягивая в воронку пространства времени, наступает пауза, безвременье, границы прошлого и будущего размываются, появляется настоящее, все больше и больше расширяя пространство вокруг себя, освобождаясь от зависимостей, тянущихся из прошлого, и желаний пребывать в будущем.

2

Проснулся от крика. В ушах звенело. Вокруг нарастал гул. Тревога и дрожь в теле при абсолютной ясности головы – реакция на первую команду, разорвавшую жизнь на «до» и «после». Дневальный, разделивший ночь с одинокой тумбочкой, стоявшей, в отличие от него, на четырех ножках в коридоре затаившей дыхание казармы, разрывает горло накопившейся невысказанностью, утонувшей в море приказов, унижений, обвинений. Два слова «Рота, подъем!» – как последний крик о помощи.

Вырвавшийся на волю звук проникает в нервные окончания, вызывая ощущение насилия и тошноты. Ресницы с веками ринулись к бровям, а ноги к сапогам. Пальцы не слушаются, скользят по блестящим пуговицам. Ноги, руки, голенища и рукава сплелись, как старые друзья. Фактор страха и время, пульсирующее в висках, обрученное с пульсом, делают движения нелепыми.

Заводные солдатики, танцующие под уставшую пластинку, вдруг замерли. Замечаю, как гидра зеленой формы старательно принялась за поглощение одного из важнейших отличительных признаков его величества Человека – индивидуальности. Когда хотят унижить, в первую очередь лишают признаков личности – армия, тюрьма и коммунизм прекрасные иллюстрации данному наблюдению. От тебя остается нос и уши, глаза – в плену перемен, рот – на замке. В воздухе очередной разряд молнии.

– Форма одежды «номер два» подразумевает голый торс, – выстрелил сержант.

Расстегиваем пуговицы, которые только что с трудом залезли в петли.

– Живот в себя, грудь колесом, – звучит очередной приказ.

Корректировка фигуры производится крепкими руками «стариков» – солдат, прослуживших в роте почетного караула год. Завершающих службу «дедов» практически не видели. Мы находились в карантине, они готовились к празднику, выделяясь подогнанной по фигуре и украшенной аксельбантами формой и генеральскими фуражками с кокардами, похожими на заморские ладьи. Глаза их светились, всматриваясь вдаль, выше уровня погон и бетонных заборов, а наши метались и, не обнаружив опоры, падали вниз на уровень сапог.

Утренняя поверка сопровождается робким «я» на фоне упрямого «МЫ».

– Бегом марш, – очередная команда, и «мы» спрыгиваем по лестнице, пересекаем расчерченные дорожки, сливаемся с лесными тропинками и оврагами.

С каждым движением портянки предательски сползают с ноги, сдавливая пальцы, нарастает нестерпимая боль. Пятка входит в прямой контакт с кирзовым сапогом, а я в прямой конфликт со «стариком». Сознание пытается понять, почему нельзя остановиться, ноги не могут понять, почему я этого не делаю. Он не может понять, почему стою, а не бегу, и ему глубоко наплевать на то, что я могу или не могу понять.

– Возвращаемся на плац для спецподготовки, – рявкает он.

Новые испытания обеспечены, не знаю, какие, но его глаза вызывают неприятные предчувствия.

Проблемы с бегом настигли еще человек десять. Нас собрали на стадионе. В центре расположилось облысевшее футбольное поле. Беговые дорожки хранят следы бесчисленных разрушительных забегов. Трибуны, выкрашенные во всепобеждающий зеленый цвет, отражают общее настроение замкнутости в близости. Изучение местности происходит недолго, следует приказ:

– Гусиным шагом, марш!

Час спустя ноги не двигаются, во рту сухо, как в пустыне. С трудом различаю что-либо в метре от себя, брови, защищавшие глаза от струек пота во время охоты, видимо, в процессе

эволюции поредел. Гаревая дорожка поглотила литры соленой воды – подобно облаку, мы выпали в осадок. Усталость и напряжение повисли в воздухе, утонувшем в пыли.

Коля Попадюк из Донецка простонал:

– Нэ могу...

Уверен, что все испытывали такие же ощущения, но молча тянули свою воинскую лямку, как бурлаки. Николаю пошли навстречу. В его руках появилась нераспечатанная пачка печенья, которую он должен был съесть в течение следующего круга. У меня уже давно горло просило помощи, но сама мысль что-либо съесть вызывала рвотный рефлекс.

Я встал, не зная почему. С одной стороны не мог, с другой не хотел в этом дальше участвовать.

– Ты тоже хочешь печенья? – спросил один из «стариков».

3

Шестнадцать лет отделяют от окончания изнурительной войны. Много и мало, страна оживала, лечила раны. Поля сражений и лагеря унесли и исковеркали миллионы душ. Уцелевшие по крохам создавали условия собственного бытия, участвуя в гигантской программе модернизации страны. Молодых людей, прошедших огонь войны и пепел очагов, не пугали трудности нового этапа. Они учились, женились, рожали и воспитывали детей.

Отец окончил военно-морское училище и женился на маме, первокурснице Ленинградского Медицинского института. Ютились с родителями в одной комнате. Затем собрали скромные пожитки и отправились колесить по воинским частям. В результате школы менялись, как перчатки. Первый класс казался мне бесконечным. Четыре школы в трех городах – Севастополь, Минск, Ленинград. Жили в военных городках.

Братьев и сестер не было. С ранних лет просил хоть кого-нибудь. Готов был продать самую ценную вещь – автомобиль, настоящий с педалями, колесами, сигналом, – чтобы добавить недостающих, по словам родителей, денег.

В Минске в школу возил специальный автобус. Вставать приходилось в шесть утра. Зимой первое, что я делал с закрытыми глазами, это включал приемник «Мир» и с надеждой ждал голоса диктора, сообщавшего, что температура ниже минус двадцати пяти градусов и следует воздержаться от посещения детьми школы. Ожидания оправдывались редко, перед глазами возникали желтые огоньки, скрывающиеся за стеклянной шкалой приемника. Волшебный экран сглаживал переход из мира снов в реальность, представляя любимых героев: Элли, Дровосека, ужасного Гудвина и деревянных солдат Урфина Джюса. Они увлекали за собой в сказочную страну, наполняя комнату светом.

Двухэтажное общежитие, где нашей семье предоставили комнату, находилось в глухом лесу. Деревья смотрели на меня, покачивая огромными зелеными головами, их превосходство прижимало к земле. Завораживал шум танковой дороги, вздыбленной постоянными учениями. Мир вливался через глаза, уши, нос, рот новыми картинками, звуками, запахами. Иногда запах жареного гуся, проникавший через щели из нашей комнаты, сводил с ума холостяков. Иногда мама сводила с ума кого-то – так считал папа, а то, что она была очень красивая и юная, непохожая ни на мать, ни на жену, – так считали все. Страсти накалялись и бурлили.

Внести свежие впечатления в повседневную жизнь помогли новые друзья, жившие в Минске. На выходные с радостью выбирались из военного городка, часто оставались у них на ночь. Брели машину напрокат, это был «москвич»-фургон – событие, в эмоциональном плане ни с чем не сравнимое. Автомобиль это всегда свобода, а для несвободного человека – свобода в квадрате. Сзади укладывали матрас, и мы с дочерью друзей клубком катались в ограниченном кузове автомобиля пространстве.

Косы и улыбки, банты и смех, тепло и радость. Одноклассники жили далеко и не стали близкими, она тоже жила далеко, но была близка. Девочка, я понял, может приносить праздник, но не понял, почему. Утром родители провожали до остановки рейсового автобуса. Передо мной стояла задача не уснуть, вовремя выйти и пересест на школьный автобус. Иногда я не справлялся со сном, и водитель или кондуктор заботливо выгружали меня. Лампочки автобуса сменялись уличной темнотой, с которой дружил заблудившийся ветер. Щеки и нос начинали гореть.

Первая взрослая зима. Шесть лет, время принимать решения. Школьный автобус или сломался, или уехал, и я выбирал. Лесная дорога, говорила: «Ты один, никому не нужен. Захочу – напугаю, захочу – отпущу». Мысли встревожено бегали, я сжимался и шел, оставляя замысловатые следы на снегу. Дистанция в несколько километров заканчивалась сном у

двери в класс. Китайское пальто на меху имело капюшон, за который учительница втаскивала меня, приговаривая:

– Лучше спи здесь.

Чувствовал себя неловко, частые опоздания чередовались с пропусками по болезни. Ангина навещала горло, и мне делали неприятные уколы в гланды. Решил, как только приеду к бабушке, сам пойду их удалять.

4

Родился я на Подоле. В святом крещении назван Георгием. Отец мой Георгий, сын Георгия, из потомственных священников.

Отец напутствовал меня, что праотцы наши держались святого Евангелия и верили учению Христа Спасителя, что все дела земные нам зачтутся и суд будет, божий суд, и всем по делам будет, и что ты как раб божий молиться должен и просить у бога наставления на путь истинный, на дела добрые, да уничтожать в себе все страсти людские. Слова эти, как музыка, они в меня входят, а чтоб понять-то, так нет, чтоб объяснить кому, так тоже нет, и слушать снова хочу, чтоб уяснить, и не знаю, как. Чувствую, внутри что-то просит, и как голодное оно, говорят, душа это, может и душа, ее не спрашивал, как отдельно-то от меня она, и как обратиться-то к ней – не знаю, но, что есть она, так это верно.

Помню, молился я у иконы Пресвятой Богородицы, просил помощи, в школу идти, а отцу пятнадцати рублей не сыскать. Унижаться, просить, а помещики, они процентов просят, с урожая долю отдай, тяжело это отцу, а мне помочь нечем, а учиться хочу. В окончание молитвы проговорил про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистая Твоя Матери, преподобных и богоносных Отец наших и всех святых, помилуй нас. Аминь».

Читал с крестным знаменем и поясным поклоном, идти собрался, а не могу – и не то, что ноги не идут, а как в груди что-то горит. Смотрю, свечей на подсвечнике много, от них жар, думаю и снова идти пробую – а на месте стою. Чувствую, будто на затылке рука чья-то и тянет к иконе. Подсвечник-то я обошел, но жар в груди остался, а рука та невидимая к иконе с образом Богоматери мою голову притянула, я губами коснулся и поцеловал, и тут все исчезло, как не было ничего, и жар пропал, но легкость пришла, такая, что шел, как подпрыгивал. Так догадался, что когда не понять, не дойти умом-то, тебе и показывают, что вот оно есть, и по вере тебе будет. А если что не понимал – к отцу за объяснением, и спросил однажды:

– А как оно, если раб я, рабы-то, ты говорил, они не свободные и прав-то никаких нет, то как можно дела какие светлые делать?

Отец посмотрел на меня, его обычное спокойствие, сменилось озабоченностью и суровостью, но говорил он даже как-то особенно ласково.

– Ты не пред человеком раб, на то тебе указанье Божье, что ты только Богу служишь, и нет на земле других властителей душе твоей. Иисус спустился на землю для спасения души человека, человека грешного, в страстях погрязшего.

Я внимательно слушал отца, но, как он ответит, так вопросов еще более:

– А как Бог спустился, и люди не заметили этого? Он же Бог!

– Да, чтоб принять страдания наши, в обличии человека и снизошел. Вот как бы ты решился превратиться, к примеру, в муравья, чтобы помочь им в их жизни разобраться, что праведно, а что нет.

Я задумался. Муравьем бы не хотел быть – и наступить на него случайно любой вправе, да и птица какая клонет:

– Нет, не хотел бы муравьем.

Отец улыбнулся.

– Да, жизнь свою другим отдать, и так, чтоб не жалеть и в радости пребывать, не каждому дано. Вот тебе дорогу осветить закон Божий и поможет. Учись, к утренней службе не просыпай, в молитве будь искренен.

Так я ответы искал, но не часто. Семья большая, нас, детей, было пятеро, и больше бы было, да болезни троих унесли. Сколько помню, мама все беременная ходила, набожная,

добрая, ничего не просила, в еде себе отказывала, все откладывала на потом, а «потом» не случилось, потом-то и умерла, мне восьмой минул. За братьев моих и сестер молилась и в монастырь ходила, километров пять то будет, как воротится, так все повторяла:

– Прибегаю под покровительство всемогущей руки Божией и защиту Пренепорочныя Его Матери, Владычицы нашей Богородицы, – и крестилась так быстро, словно крестики вязала и глазами быстро моргала.

Грусть в ней была, а как ушла, света в доме стало меньше. Всё забота была, а как отец один, так совсем тоскливо. Жили-то мы по законам святой церкви, перед едой молились, во время еды молчали. Хлеб почитали особо, как дар божий. Посты, они целый год один другой сменяют. Так и жили, постом да молитвой, сыто особо не было, но и голодать не приходилось, слава тебе господи.

5

Перед глазами проносится разговор с командиром части, состоявшийся после моего прибытия. Такой чести был удостоен по ряду причин. Отец, морской офицер, позвонил брату, полковнику безопасности, а тот позвонил главному военкому Москвы, генерал-полковнику, который позвонил главному военкому Ленинграда, генерал-майору, и дальше по цепочке. В двадцать один год я получил галочки в графах «высшее образование», «женат» и «член КПСС».

Подполковник Плотников, лет тридцати пяти, холеный, знающий себе цену, четко ориентированный в пространстве карьерного роста, хорошо поставленным голосом давал наставления:

– Вы из военной семьи с хорошими традициями, – говорил он, растягивая слова, заполняя паузу мерным постукиванием аккуратно заточенного карандаша. – В роту почетного караула отбираются самые достойные. Вы будете принимать участие во встречах руководителей государств, правительственных делегаций, открывать парады. Руководят ротой первоклассные офицеры.

Последовала пауза, в течение которой он продефилировал вдоль стены с огромными портретами Брежнева и Устинова. Последняя звезда Героя Советского Союза не уместилась на груди Леонида Ильича и наполовину повисла в воздухе. Лицо министра обороны, преданного соратника, согревается лучами света генсека, щеки приобрели пугающую красноту. Приказом об увеличении срока службы для лиц с высшим образованием он удачно подчеркнул свои демократические принципы и мое недоверие к людям с подобными лицами.

– Вы столкнетесь с большими нагрузками, – продолжал полковник размеренно и монотонно, как хронограф, – не все их выдерживают. В армии учат преодолевать себя. Поддержание высокого уровня боевой и политической подготовки невозможно без тренировок, без адаптации к экстремальным условиям.

Пристально посмотрел на меня, взвешивая продолжать или остановиться, видимо, что-то сдерживало его. Издалека ведя разговор к четко обозначенной теме, он прощупывал почву. Меня тревожил вопрос, что такое важное следует донести до рядового солдата, без году неделя в армии? Казалось, полковник заинтересовался чем-то находившимся вне кабинета, его спина молча наблюдала за мной, обратная же сторона выбрасывала в воздух слова, и они облачками повисали в разделявшем нас пространстве.

– Имеются данные, заслуживающие внимания. Так, например, информация о неуставных отношениях. Если вы столкнетесь с подобными явлениями, немедленно проинформируйте меня лично. – Он выплеснул свою мысль, посмотрел на мою реакцию и добавил как-то по-семейному: – Будут вопросы, заходите, не стесняйтесь.

Наши глаза встретились, информация прошла по видеоканалу. После завершения передачи, он переключился на другие дела. Прозвучала дежурная фраза, находящаяся за рамками его размышлений:

– Вы свободны, следуйте в распоряжение роты.

За все время я не проронил ни слова. В конце разговора сказал:

– Есть, – и вышел из кабинета.

6

Спустя полгода мы вернулись в Ленинград. Родители мыкались по съемным площадям. Моя жизнь обрела спокойный ритм при погружении в семейный уют бабушки Доры и дедушки Вани. Коммуналка, занимавшая первый этаж особняка на углу Литейного и Петра Лаврова, являла парадоксальную несовместимость венецианских окон, мраморных подоконников, лифта красного дерева – и убогой обстановки комнат и мест общего пользования. У нас в комнате стояли кровать, диван, круглый стол, комод, трюмо и китайская ширма, которая отделяла мое спальное место от крошечного телевизора с огромной линзой, «повышавшей качество изображения». Пытаясь перехитрить Дору, перед сном я тщательно устанавливал ширму, совмещая просветы между панелями с расположением телевизора, но сыскной опыт бабушки всегда приводил к провалу моих операций.

В довершение всего меня принялись откармливать. Выход, казалось, нашелся: круглый стол имел внутренние полости и оказался отличным складом для котлет. Но вскоре запах меня выдал, и умело направляемая бабушкой швабра неоднократно вошла в контакт с различными частями моего тела. Вошедший дедушка, будучи сотрудником НКВД, после недолгого увещевания меня и бабушки, достал револьвер, и сразу наступил мир. У него не было сына, а две дочери, одна из которых моя мама, не дали реализовать мужские чувства. Его любовь всегда была со мной.

В одной из комнат жила девочка, имени которой я уже не помню, но ее присутствие в моей памяти сохранилось как первое ощущение неизвестности на пути познания. Был банный день. В комнату вошел Иван Павлович. Дед и в старости отличался военной выправкой и приковывал женские взоры. Розовые щеки и сеточка, сдерживающая непослушные седые пряди, сигнализировали, что пришла моя очередь мыться.

Дрова мирно потрескивали, ванная комната исходила теплом и паром. Неожиданно дверь открылась. Почему она вошла? Зачем я предложил ей раздеться и разделся сам? Она стояла у двери, безмолвно шевеля губами, вспышки пламени отражались на ее теле и гасли, теплый воздух рвался вверх, раскачивая волосы. Медленно приближаясь, уткнулся лбом в дверь. Пространство, разделявшее нас, не смогло препятствовать тонким струйкам воздуха, разлетевшимся по всему телу. На фоне обжигающего жара печи, тепло, возникшее от прикосновения детских тел, было ласковым. Тревога и страх выбрались из глубин сознания и нависли карающим мечом над неосознанным стремлением к древу познания. Мы быстро оделись, и она также внезапно вышла, как и вошла. Откуда берется чувство страха, ощущение границ дозволенного? Неужели наказание Адама и Евы оказалось столь ужасно, что ощущение вины и раскаяния передается через тысячелетия?

Уровень информированности населения по вопросам сексуальной жизни соответствовал принципам железного занавеса. В одной комнате жили родители со своими детьми, у которых имелись уже свои дети. И в этих условиях исполнение супружеских обязанностей, видимо, должно было соответствовать духу выполнения планов пятилеток и семилеток строительства социализма как в отдельно взятой стране, так и в отдельно взятой семье.

7

Родители называли Иваном. Живем мы на селе – большое такое село, и церковь у нас красивая, купола издали видно. Железная дорога ещё, поезда ходят, и пассажирский и товарняки, иной раз паровоз загудит, испугаешься и оцепенеешь, а он дымом накроет, и не знаешь, куда бежать. Хата наша недалеко от вокзала у больших тополей прибилась, мазанкой зовется, потому как из глины, а крыша соломенная. Печь внутри белая, жаркая, дрова любит сухие, а какой хлеб печет – и румяный, и пахнет так, что сил нет. Семья у нас большая, брата два старших и сестры две, одна сводная. Нынче я в доме, теперь так случилось, и привык – то мастерю, то на баяне учусь. Раньше отец всякую работу наказывал, то подошву поправить, то каблук, то набойки поменять. Шить новую обувь не особенно доверял, боялся, спорчу, а я втихую пробовал – все ж навык нужный, на хлеб всегда будет, задник и подносок уже зробить могу, и голенище справить. Мать поехала в соседнюю деревню за знахаркой, та недавно поселилась, говорят, излечила многих.

Мне пятнадцать, а с шести или семи, точно и не помню, ходить не могу, так ползаю. Случилось это в день Христова Рождества. В доме было празднично. На полу рогожки положены, печь трещала, как и мороз на улице все хрустело, снегу намело с аршин – дорожки чистили, так весь забор завалили, все в сугробах. Говорили, коль ласточки после Успенья улетели, так зима холодной будет – так оно и вышло. Под скатерть положили сено, потому как когда Господь родился, его положили в ясли на сено. В баночках стояли пучки колосьев пшеницы и овса, не знаю, почему, но так принято. Мама справила кутью из пшеницы с медом, а до этого постились, больше всякие запасы из погреба доставали, то огурцы соленные, то капусту квашенную, ну, картошку, конечно. Иногда селедку покупали, а уж за радость леща и сома, у нас на Десне они водятся. Все свиней забивали – погрузят их, как дрова, на телегу, и везут в город на ярмарку. Потом вернутся, всякого красного товара, ситца навезут, звезды на елку, как золотые, рядом индюшки лежат, сбитня за одну копейку можно напиться – и греет, и сладкий. Ребята от дома к дому бегали, рождение Христа славили, что-то про царя Ирода пели, а заканчивали «У хозяев ничто не просим, а чего накладывают, не бросим». Мама их угощала взваром из чернослива и подавала кутью. Мне хотелось с ними по домам походить, но отец строго наказал сидеть дома; он какой-то заказ срочный доделывал, вроде сапоги нашему батюшке справлял, уже давно должен был закончить, да что-то все не ладилось у него. Мама говорила, что не сесть ему, по его душу сначала бражка плачет, а потом и водку друзья сыщут. Мне казалось, отцу все нипочем, все говорили, что хоть и зовут его Павел, а как Петр первый – такой же огромный, почти три аршина. Отец Георгий обратился к брату отца Степану, подсобить с сапогами – отец-то в церковь редко ходил. Зато балагур известный, полсела друзей, как баян в огромные ручищи его попадет, так оживает и идет в пляс, а пальцы на руке отца прямо преображаются, становятся мягкими быстрыми, не уследишь за ними. Дядя Семен зашел, из сеней уже был слышен его громохочущий голос:

– Софья Григорьевна, до первой звезды дождались, теперь давай кутью знаменитую твою справим, да и ко всенощной отправимся.

Когда он в дверях появился, то за воротником тулупа виднелись только усы в сосульках, на бровях иней и щеки ярко красные.

– Мы уж собраны, Коля и Пашка на улице дожидаются, а Павла ты поспеши. Он тут за твой заказ взялся, для батюшки который, и весь не свой, – шепотом ответила мама. Она у нас такая маленькая, хрупкая, но сильная, и пальцем указала, где отец сидит.

– Павел, выходи. Брось ты это, я отцу Георгию объяснил, что задержка получилась, но скоро закончишь, как сможешь. Давай уже пойдем, все вместе. – Дядя Семен говорил сидя на скамье напротив печи, расстегнув пуговицы на тулупе и медленно отведывая кутью.

– Семен, моих возьми с собой, дочери еще малые. Софья проверь, чтоб спали, я с Ванькой после подойду.

Я сразу насторожился, валенки уже надел, но спорить не стал, знал, что доброго не будет.

– Ваня, пойдете, теплее одевайся, мороз к ночи еще сильнее. Павел, – сказала она, глядя в сторону отца, он так и не вышел, – ну, уж ты сильно не задерживайся, нехорошо как-то.

Мама немного помолчала и, не дождавшись ответа, отворила дверь в сени, пропустила вперед дядю Семена и напоследок сказала:

– Ну ладно, сам смотри.

Я сел у окна и смотрел через маленький прозрачный кусочек стекла на сверкающие огоньки на снегу, на черные тополя. Они, как мертвые, вытянулись в ряд, и на их вершинах где-то прятались вороны. Днем птицы воровали еду, даже у злобного Полкана и то кусок утащили, всё через хитрость: одна у него перед носом гоголем ходит, а как он эту наглость не выдерживает и на нее бросается, так другая тут как тут – и нет куска, а обед-то был праздничный, когда свинью рубили, псу всякие остатки перепали. Дверь, как у нас часто бывало, отворилась без стука, вошли друзья отца – щуплый такой с выпученными глазами еврей Сима и цыган Чирикло, его еще звали Соловей, пел красиво – заслушаешься, и борода у него необычная, черная как смоль, вся мелким бесом.

– Миро дэвл, что за грусть такая, а? Не грусти, чаворо, – сказал он, смеясь, и резко приподняв меня, прокрутил вокруг себя, затем аккуратно опустил на ноги. – Батка-та твой где будет?

Отец вышел им навстречу, они, как обычно обнялись, приветствуя друг друга.

– Я смотрю, мы вовремя, – сказал Сима, ставя на стол бутылку водки.

– Ты говорил, вы тоже празднуете Рождество, – заметил отец, садясь за стол.

– Мы отмечаем праздник Хануку, – вежливо ответил Сима.

– И что это за праздник такой? – спросил отец, расставляя стаканы.

– Может, мы пойдем? Поздно уже, – спросил я.

Так бывало, этот разговор мог затянуться на долго.

– Сам знаю, когда идти, тебя не спрошу, – сухо ответил отец.

Я с расстройства вскочил со скамьи, где сидел у окна, и направился в спальню. Отец резко поймал меня за руку, раздался неприятный звук, упала бутылка с водкой. Наступила тишина.

– Идите к Семенычу, я подойду, – сказал отец, надвигаясь с места и продолжая держать меня за руку.

– Да ты не расстраивайся Павел, – Чирикло попытался перевести разговор в шутку.

Отец поднял на него глаза – этого было достаточно, чтобы они быстро собрались и вышли. Он вытащил меня на улицу и резким взмахом забросил на сугроб, покрывавший забор у калитки.

– Сиди на сугробе и молись, пока не посинеешь или пока не ворочусь, – велел он, глядя на меня ледяными черными глазами, и, не заходя в дом, направился в сторону Семеныча, они там часто собирались.

«Хорошо, – подумал я, – что валенки надеты». Сел на корточки, весь свернулся калачиком, так вроде теплее. Дым из трубы вьется и вроде как греет. Пальцы рук первые стали коченеть, я их тер, но все одно леденеют. Я их засунул в валенки, сидеть неудобно, но пальцы стали отходить. Зазвенели колокола, в холодном воздухе, казалось, они бьют прямо по голове, такой шел гул, они прямо-таки гудели, как паровоз, но нежно, мелодично. Доносились голоса, то сильнее, то совсем тихо.

– Христос родился, славите... Христос родился, славите...

Я закрыл глаза и стал повторять про себя: «Христос родился, славите...»

Чем больше я повторял, тем дальше удалялся от своего снежного места наказания к ярким звездам. Они переливались разными цветами, и я пытался понять какая из них первая, та, необычная звезда. Они звали улететь к ним, притягивали звездными дорогами. В этот момент я почувствовал, что качусь, а затем холод, который пробежал внутрь меня по спине. Я открыл глаза, и увидел, что скатился со снежной кучи и лежу навзничь. Снова сел на корточки и заплакал, мне стало страшно: я никому не нужен, если замерзну, никто не заметит. Я дополз до стены дома, но не стал открывать дверь. Я уже не боялся послушаться отца, но не знал, как молиться до посинения. Решил, что буду сидеть, пока меня не заберут. Силы медленно покидали, и я засыпал, во сне я видел елку, на ней была огромная звезда, она освещала все вокруг, я сидел на руках у отца, а мама накрывала стол, а братья и сестры прыгали вокруг нас и веселились, они бегали по потолку и не падали, а отец отпустил меня, и я полетел вверх выше и выше, а они стали удаляться, махать мне руками и кричать, чтобы я остался...

Я почувствовал, как меня тянут куда-то и приоткрыл глаза.

Вокруг метались люди, мама причитала:

– Сынок, сынок...

По мне бегали иголки и кололи все сильнее и сильнее. Тело чем-то растирали, наверное, водкой, пахло неприятно. Я что-то пил горячее, сладкое, наверное, с медом, но может быть, и водка была. Потом меня всего трясло, я покрылся капельками пота, казалось, холод тяжело выходит из меня. Всю ночь меня крутило, как на жерновах. Говорят, я бредил, уснул только утром, а когда проснулся и захотел встать, сходить до ветру – выпил я много всего, – то не смог, ноги не слушались. Сначала все думали, отлежусь, пройдет. Доктора нашего Василия Илларионовича приглашали, он со своей трубочкой долго слушал меня, постоянно приговаривал:

– Как же, милоч, тебя угораздило?

Прописал лекарства и навещался время от времени, но все реже и реже. Мама ходила в церковь все молилась за меня, но ничего не менялось. Я привыкал к своей новой жизни – все-таки я остался жить. Мать не могла простить отцу случившееся со мной, хотя я толком ничего и не рассказал. Отец делал вид, что ничего не произошло, но сторонился меня, а я, потеряв возможность ходить, стал сильнее и не только в руках, которые сделались основными помощниками, чтобы двигаться, и перестал бояться отца. Страх ушел от меня – может, потому, что я перестал бояться смерти.

8

Умение слушать передалось от мамы. Подруги часто искали поддержку в ее глазах, наполненных светом искренности и сопричастности.

Воспоминания не дали ответ на извечный вопрос – что делать? Вперившиеся в меня глаза нагло улыбались. Напряженность нарастала, ситуацию разрядил сержант Кирилов, вернувшийся с ротой после кросса. Последовал приказ:

– Стать в строй!

– Вечером с тобой разберемся, – прозвучало мне вслед сухо и с хрипотцой.

Утренняя зарядка продолжалась, но мысли катились к вечеру. Через полчаса начались водные процедуры. Под ледяной водой лезвие бритвы отказывается брить и приходится скоблить, кожа приобретает нездоровый румянец. В зеркале незнакомое лицо, красные ввалившиеся глаза. Кто-то рассыпал зубной порошок и пытается его убрать. Брызги воды и выбрасываемый легкими воздух создают впечатление мустангов на водопое, встревоженных возможным нападением. Раковин не хватает, локти резво находят своих братьев, щетка летает во рту, временами разворачивая голову. Вафельное полотенце легко впитывает воду с гладкой поверхности головы. Стараюсь быстро добраться до своей тумбочки, чтобы убрать бритвенные принадлежности, с трудом удерживаюсь на ногах – сапоги скользят по красной мастике, оставляя извилистые следы. Продвижению мешает активное перемещение товарищей во всех направлениях, все одновременно одеваются, приводят в порядок форму, натирают бляхи. В спешке нитка не попадает в игольное ушко, что уж говорить о воротничке, который топорщится и не желает иметь ровный край. Старослужащие используют всякие хитрости – складывают ткань в несколько слоев, прокладывают кусочек проволоки, но «лимон» должен выглядеть соответственно его статусу.

Попытка заправить кровать должным образом не увенчалась успехом.

– Это тебе не «карантин», – заметил Коля Суворов, похожий на Буратино. – Выжмут из нас все соки, если мы конечно позволим.

– Успокойся, мы даже не знаем, где можно сидеть, где стоять, ничего пока не понимаем, нужно время. Привыкнем, и все образуется. Подразделение особое, свои правила, вникай в тонкости, – ответил я достаточно тихо, чтобы разговор не привлек внимания.

Если театр начинается с гардероба, то подразделение с казармы. Кровати стоят в один ярус, подчеркивая привилегированное положение. Матрас плотно обтягивается всем, что сверху. Роль пододеяльника исполняет вторая простыня. Последний слой пирога – одеяло, припудривается ровной белой полосой, шириной сантиметров двадцать. Но все это гроша ломаного не стоит, если не выполнены основные ритуальные действия, превращающие койку в произведение искусства. Данная цель достигается сложными манипуляциями: взбиваются, подобно тесту, боковые поверхности постели, формируется идеальная прямоугольная форма, оттеняются линии изгиба. Последним вензелем является подушка, взбитая, как сливки. Трудно поверить, что замученные ватные матрасы можно заставить построиться по стойке смирно. Следующий этап включает построение коек в ряды и шеренги. Заместитель командира взвода оценивает результаты, сравнивая их с прямолинейностью струи быка, писающего против ветра. Легким движением руки превращает наши произведения в руины. Меняются времена, правители, режимы, но в армии строили, строят и будут строить, причем всех и вся.

9

Невозможно заснуть или отключиться от беспокоящих мыслей, порожденных некими событиями или отсутствием оных. Попробуйте закрыть глаза (надеюсь, вы не стоите). Представьте, где находится центр вашего головного мозга, и направьте в эту точку взгляд. Начните диалог с самим собой, как с незнакомцем. Спросите, кто вы и откуда. Не торопитесь и не ждите быстрого ответа – многие тысячи лет цивилизации не пролили свет на истоки появления человека. На пути разделения собственных представлений о себе и представлений создателя о тебе лежит бесконечность. Разрешите себе прислушаться к себе, как к самому совершенному созданию из существующих на земле. Погружение в себя – непростой путь, так же как борьба с вредными привычками и вообще борьба с собой.

При этом стоит осознать, что как бы ум ни перелистывал страницы своих знаний и не компилировал их в новых сочетаниях, они не дают ответов на основные вопросы жизни, а при вырвавшихся на свободу эмоциях он не способен правильно ответить даже на простые вопросы. Это расстраивает, пока мы отождествляем себя с ним, и радует, когда понимаем, что «мы» это не он. И когда он понимает, что «мы» можем радоваться, когда он в замешательстве, он начинает прислушиваться и верить «нам». И когда вы почувствуете, что ваш ум вам шепчет, это уже победа – он уважает ваше мнение и хочет поделиться своим.

10

Улица большого города. Время около полудня. Сочетание высокой влажности и температуры для жителя Северной Венеции изнурительно. Подхожу к остановке такси, останавливается машина, женщина, стоящая впереди меня, обозначает поклон и пропускает вперед. Английский полицейский, чинно идущий на встречу, выглядит как почетный гражданин города. Рекламные вывески, мелькающие в окне такси, написаны с использованием латинского алфавита и иероглифов.

– I would like to visit the central beach,¹ – объясняю водителю в меру владения языком.

Долго едем по подземному туннелю, соединяющему два острова. На одном из них водопроводные и канализационные трубы висят с наружной части домов, бельё сушится на выброшенных из окон трапах. На другом теснятся фешенебельные отели, известные во всем мире, небоскребы с офисами финансовых акул в down town. Меняются не только дома, но и люди. Засеменили белые воротнички и бизнес-леди.

Выхожу из машины, оставив двадцать долларов. Песчаный пляж не отличается безупречной чистотой, огромные океанские суда стоят на рейде. Людей немного, купающихся единицы. Раздеваюсь, иду по обжигающему песку. Океан спокоен, но это не умаляет его скрытой мощи. Заплываю далеко – люблю воду, люблю чувствовать себя частью природы. По гороскопу я скорпион, знак, входящий в тригон воды. Движения дельфина, копируемые при плавании баттерфляем, вызывают прилив энергии и ощущение скорости. Недалеко от берега одиноко покачивается плавучий понтон. Заползаю на гладкие и теплые доски. Прекрасное место для смены белой кожи на коричневую. Глаза прищурены, прячутся от палящих лучей солнца, всматриваюсь в линию горизонта. Боковое зрение фиксирует появление над поверхностью воды темного треугольника. Спокойствие и расслабленность сменяются тревогой. Приподнимаюсь на локтях и сверлю взглядом водную гладь. Незнакомые вода, земля, люди и слова усугубляют внутренне беспокойство. Что китайцу может представляться нормой, для русского сознания ужас, леденящий душу, – и наоборот. Не укладывается в голове, как центральный пляж могут посещать акулы. Пытаюсь расстаться с чувством неопределенности, подобно рыбе в полиэтиленовом мешке. Считаю до ста. Всё спокойно. Суеты на берегу не наблюдается. Просто почудилось. Успокаиваю себя, ныряю, плыву с максимальной скоростью. Страх обжигает кожу, волнение сбивает дыхание – наконец-то берег! Выхожу из воды, стыдно за собственный беспричинный животный страх. Спрашиваю у проходящего мужчины:

– Is it central beach?²

Получив в ответ утвердительный кивок, интересуюсь:

– Why nobody swimming?³

– Yesterday a shark has bitten off a leg one of swimmers⁴, – спокойно роняет он и бредет дальше.

Принадлежал этот треугольник акуле или тени пролетающей птицы? Может, ужас потерявшего ногу человека бродит призраком, предающим физическое ощущение пролившихся страданий? Быстро переодеваюсь, и покидаю пляж. Следы автомобильной катастрофы убирают с дороги, и машины мчатся по этому участку со стертой памятью. Это не кажется странным. Купание в воде, где так же отсутствуют следы вчерашней трагедии, пред-

¹ Я бы хотел посетить центральный пляж (англ.)

² Это центральный пляж? (англ.)

³ Почему никто не купается? (англ.)

⁴ Вчера акула откусила ногу одному из пловцов. (англ.)

ставляется безумием. Вероятность повторного нападения акулы значительно ниже, чем возникновение аварии на том же месте, но страх перед дикой природой не поддается логике, ему не одна тысяча лет.

Утонув в такси, медленно пробивающемся сквозь пробки к отелю, не заметил, как стемнело. Открываю окно. На улицах оживленно. Появилось много столиков, днем их не было видно. Воздух насыщен кисло-сладкими запахами с соевой доминантой, тело становится липким и пропитанным пряностями. Переносные жаровни шумно шкворчат и потрескивают. Местные жители слетаются к ним, как мотыльки на огонек.

Прошу таксиста приостановиться. Выхожу из машины и иду на запах и шум. Мной движет вопрос: что так притягивает людей, вытаскивает из собственных квартир на улицу? Моему взору предстает малопривлекательная картина. В кипящем масле кувырятся и подпрыгивают различные морские твари, в основном бесформенные, некоторые с зубами, хвостами и щупальцами. Аппетит пропал, хотя морепродукты люблю. Китайский культ еды поражает. Может быть, он переплелся с идеями коллективизма и английского колониализма. Садясь в машину, успокаиваю себя, что если бы они увидели запеченные свиные хвосты, уши, голяшки и языки, тоже не очень обрадовались бы, а для нас деликатес. Жалко, что мы не готовим на улицах городов, не уплетаем тут же, с пылу с жару, лишая радости себя и окружающих. Конечно, часто бывает холодно, но мороженое-то мы едим зимой на улице и в одиночку.

11

Родители называли Еленой. Родовое имение уютно спряталось среди лугов и лесов Подольской губернии. Мягкая изумрудная трава обнимала и укрывала от посторонних глаз. Покусывая стебельки цветов, я упивалась небом, становилась птицей, сливалась с ним и отражалась, как в зеркале. Чувствовала себя проводником любви земли и неба. Непременно молодой век обнимет и унесет в продолжение того, что я ощущаю своим, в чем смогу раствориться и напиться жизненной радостью. Голубая вода, что струится среди скалистых берегов Смотрича, шептала о завидной доле. Моя длинная коса требовала смирения и послушания, а волосы, вслед за душой, рвались на волю, переполняемые жизненной силой.

Эти сказочные места не случайно на протяжении веков переходили из рук в руки. Здешние земли воевали и Турция, и Литва, и Польша. Мама полька, ее род издавна живет на этих краях. Она рассказывала, что род наш старинный и будто предки наши, Радзивиллы, являются княжеским родом Великого княжества Литовского. На протяжении веков представители рода занимали высшие государственные и военные посты. Больше всего мне запомнилась из ее рассказов судьба знаменитой красавицы Барбары Радзивилл. Барбара получила блестящее образование, знала несколько языков. В юном возрасте она была выдана замуж за государственного канцлера, первого человека после короля, однако брак оказался скоротечным, супруг неожиданно умер. После нескольких лет траура брат Барбары знакомит ее с будущим королем Польши Зигмунтом Августом. Юная вдова была настолько хороша, что будущий король буквально потерял голову от любви к ней. И чувства эти были взаимными. В это время умирает старый король, и Зигмунт восходит на престол. Двор противился его союзу с Барбарой, но молодой монарх был непреклонен в своем решении. Они были очень счастливы. С ее появлением при дворе жизнь наполнилась новыми красками, стало много балов и праздников. Но королевское счастье продлилось недолго. Поговаривали, что Барбару отравили. Потеря была для Зигмунта настолько тяжела, что он даже прибегал к помощи магов в надежде вернуть любимую к жизни. История Зигмунта и Барбары напоминает историю Ромео и Джульетты, так сильна была их любовь. И по сей день живет легенда о призраке Барбары, прозванном Черной Дамой, наводящем ужас на посетителей Несвижского замка.

Мама требовала, чтобы я все запоминала и передала детям, дабы они гордились своими предками и были достойны их. Учила меня родному языку, его мелодике, говоря со мной по-польски с детства, пока папы не было дома. Я легко поддерживала разговор на разные темы, и ей это доставляло подлинное наслаждение. И мама, и папа также хорошо говорили по-французски – возможно, поэтому в гимназии отмечали у меня способности к языкам.

Мне кажется, маму терзало внутреннее раздвоение. Ее родители были католики, а она каждое воскресенье ходила в православную церковь, но дома я иногда слышала, как она молится по-польски. Я училась в гимназии, а, приготовив уроки, нянчила младшего брата. Отец любил меня, часто брал с собой в Каменецк-Подольский. Он считал меня красивой и требовал, чтобы я гордо несла голову, не горбилась. Благодаря отцовской настойчивости я, хоть и выделяюсь ростом среди сверстниц, могу похвастать безупречной осанкой.

Посещения городских ярмарок сопровождалась покупками подарков и сладостей. Иногда вечером мы всей семьей отправлялись в театр, и каждый раз становился незабываемым событием. И не только потому, что все одевались красиво, как на праздник. Мысленно покидая кресло, я переносилась в иные времена и страны, щеголяла в безумных нарядах, речи персонажей застывали у меня на устах. После театра я, бывало, подолгу не могла прийти в себя. Отец говорил, что я копия дяди Миши, который в отличие от дедушки, Петра Арцыбашева, солдата душой и телом, прекрасно рисовал и даже сделался писателем. У отца

в библиотеке имелась его книга, но он не разрешал ее брать, мол, еще рано такие романы читать.

Как-то раз моя подруга по гимназии Софья, миниатюрная пышечка со вздернутым носиком, всегда осведомленная обо всех последних событиях, напустив на себя таинственный вид, сообщила мне:

– Мне думается, моя дорогая, тебе будет интересно знать, что некий господин имел смелость заметить, что щеки у тебя чрезмерно розовые.

Она сделала паузу, многозначительно посмотрела на меня, и я действительно почувствовала, как щеки начинают гореть. Довольная достигнутым результатом Соня продолжила:

– И что это говорит о том, что ты очень юна. Видимо, он хотел сказать, что ты совсем еще дитя. – Она снова замолчала и уставилась на меня в ожидании реакции.

Все это звучало нелепо, но, к сожалению, доля правды в словах «некоего господина» присутствовала. Я-то считала себя взрослой, но щеки часто предательски выдавали мои волнения. Поэтому я поинтересовалась:

– Соня, ты не могла бы разузнать, что с этим делают юные особы.

Она улыбулась и пообещала непременно выяснить. Спустя некоторое время, Соня подбежала ко мне после занятий, держа в руке какую-то склянку, и таинственно прошептала:

– Вот это то, что ты просила.

Я не сразу поняла, что она имеет в виду.

– О чем ты?

Она схватила меня за руку и потащила на задний двор, где мы частенько уединялись. Когда мы остались вдвоем, Соня серьезно посмотрела на меня. Ее маленький носик от нетерпения вздернулся, придавая важность происходящему.

– Я все разузнала, ну, про щеки. Это было не так просто. Оказывается, светские дамы в Петербурге, знаменитые голубой кожей, пьют уксус. Я немного раздобыла его дома и принесла.

Перед моими глазами появилась прозрачная жидкость, она переливалась на солнце и казалась совершенно безобидной. Но эта кажущаяся безобидность меня несколько встревожила, и я спросила:

– А ты знаешь, сколько надо пить?

Софья почувствовала мои сомнения и с надулась.

– Можешь, конечно, вовсе не пить, но я вообще-то ради тебя старалась.

Мне не хотелось, чтобы она сочла меня трусихой.

– Хорошо, – сказала я, вынимая пробку, – давай попробуем. – Зажала на всякий случай нос и сделала один большой глоток.

Дыхание перехватило, горло сдавило чугуном обручем, я захрипела. Софья бросилась звать на помощь. Меня быстро доставили домой. Приехавшему доктору она наплела, будто уксуса я глотнула по ошибке, и мне долго промывали желудок. В бутылке оказалась крепкая эссенция, и выздоровление мое затянулось. Зато пошлый румянец покинул мои щеки навсегда.

12

Маршируем на завтрак. Штатный запевала выводит первые ноты песни, широко известной в исполнении Льва Лещенко «День победы, как он был от нас далек...»

Впервые я почувствовал какой-то положительный импульс. С одной стороны, ощущение голода, постоянно преследующее, было услышано, с другой, песня смягчила острые грани душевного беспорядка. Она уже спокойно лежала в архивах памяти – и вдруг абсолютно новое проникновение в потаенные закоулки душевной энергии, единственной территории свободы и независимости.

Столовая занимала второй этаж здания, похожего на нашу казарму, как брат-близнец. Отличительная особенность – запах, сочетание гуталина и мастики, вытеснил симбиоз кухни и хлорки, кровати заменили огромные столы с деревянными скамейками. Без пилотки и волос, зажатый с двух сторон ребятами из Сибири ростом под два метра, как и весь наш элитный взвод, передаю алюминиевую миску солдату на раздаче. Кроме пшенной каши распределяются яйца, сливочное масло и кусковой сахар, по две порции для солдат выше метра девяносто. Горячий чай, налитый в граненый стакан из алюминиевого чайника, хлеб с маслом и сахар вприкуску представляются верхом блаженства. Начался долгий процесс переоценки ценностей. За спиной раздался дружелюбный голос.

– Кто-нибудь хочет добавки?

Первый, проявивший заинтересованность по данному вопросу, получил в качестве презента котел с кашей, предназначенный для всего стола. Мое внимание заострилось на командире взвода лейтенанте Козыреве, инспектировавшего качество приготовленной пищи и организацию ее приема. Надо быть слепым, чтобы не увидеть сцену кормления, когда каша практически лезет из ушей. Офицер проявлял внимательность и строгость в вопросах, представлявшихся ему важными, следовательно, насилие элемент системы. Интересно существуют ли границы этого насилия, кто их устанавливает и контролирует? Действия старослужащих солдат, негласно поддержанные офицерским составом, вызвали тревогу, особенно в свете предстоящего вечернего разбора полетов. Предшествующий месяц нас как новобранцев держали в карантине. Это что-то вроде подготовительных курсов в институт. С той разницей, что на первом курсе остаются те, кто успешно сдал экзамены, в роте же – кто прошел проверку биографии и родственников, а также соответствует по внешним и физическим данным. Самое главное отличие – на первом курсе учатся только первокурсники, а в армии, независимо от срока службы, все варятся в одном котле. Тяжело было во время карантина привыкать к солдатской жизни, но моральный пресс был несоизмерим с выпавшими на нашу долю лишениями и нагрузками. Первые две недели утренних пробежек с голым торсом в начале весны привели мое недостаточно закаленное тело в медсанчасть. Первое ощущение – отключение напряжения. На огромной скорости тебя выбросило в пространство невесомости, предметы и тела плавно перемещаются, звук выключили, и только запах медикаментов приближает сознание к восприятию реальности. Основной причиной подобного восприятия рядовой армейской медсанчасти является отключение пресса головного мозга и как следствие наступление эйфории. Полное отсутствие прав, незнание правил, страх перед наказанием и ощущение его неизбежности загоняет человека в шкуру домашнего животного, купленного для забоя на Рождество. Физические нагрузки, ранние подъемы, скудное питание и даже замкнутое пространство не идут ни в какое сравнение с постоянной неопределенностью по отношению к предметам, людям и себе самому. «Если представилась возможность увидеть происходящее со стороны, не упустить ее, – подумал я, – необходимо искать пути адаптации к этой новой системе».

Напоминание о реальности пришло достаточно быстро. Лечение включало народную терапию, которую мне продемонстрировал ефрейтор медсанчасти Розман. Среднего роста, смазливый лицо, он немного картавил, и даже армейская стрижка не скрывала его вьющиеся черные волосы. Ничто не предвещало неприятностей, кроме его мокрых скользких глаз. Он взял ножницы, вату, спирт, зажигалку и соорудил небольшой факел. Длинный язык пламени сладострастно облизал внутренности стеклянной банки, температура разлилась по стенкам и достигла горлышка, в тот же момент впившегося в мою спину. Ощущение соприкосновения с раскаленной сковородой, смазанной маслом, которое собирается в воздушные пузырьки, проникающие через спину в центральную нервную систему, сопровождал запах паленого. При постановке следующей банки огонь, продолжавший свой жизненный путь вплоть до соприкосновения с кожей, раскрыл причину пережитых ощущений. Размеренные действия мучителя говорили о рутинности и обыденности данной процедуры. Вспомнились давно написанные строки:

Где вы родились люди?

Вроде бы на Земле.

И почему вы все судьи?

Дайте хоть раз обвиненье себе?

Я промолчал. Он ждал реакции. Садистская похоть требовала удовлетворения. Трудно не орать, но еще труднее не ответить. Он вышел, вернулся минут через десять. Шоу продолжалось, чувствовалось, кто-то наблюдал за происходящим. Легким размашистым движением фокусника банки отрывались от тела с залихватским «ух» или «эх».

– К тебе пришли, – сказал он, закончив процедуру.

В коридоре стоял еще один ефрейтор, крепкого телосложения с тяжелым упрямым взглядом.

– Мы знаем о тебе, что ты член партии, был у командира полка, – он говорил спокойно и членораздельно, – если думаешь, что тебе это поможет, то ошибаешься. Лучше не появляйся в роте. Кому-нибудь стукнешь, живым не уедешь.

Выслушать меня в его планы не входило. Армия, как полупроводник – все течет только в одну сторону. Первый неписанный закон – начальник всегда прав. Второй неписанный закон – если начальник не прав, читай первый неписанный закон.

13

Принцип необходимого и достаточного переносится на управление собственным телом. Мало кто интересуется тем, как работают его органы, пока не появляются нарушения. Это легко проиллюстрировать на примере покупки автомобиля. Привлекает внешний вид, мощность двигателя, экономичность, цена. Процесс же превращения тепловой энергии в механическую никого не волнует. Для движения достаточно нажимать на педали и крутить руль.

Человек создает на основании собственного опыта сложные конструкции с максимально простым управлением, надеясь с процессе их использования узнать, как и для чего создан он сам. Вспомните собственное детство, как вы выглядели и о чем думали, как говорили и что делали. Почувствуйте себя в этом маленьком человеке, где его место сейчас, что изменилось и почему. Представьте руки, пальцы, ногти как переход от большого к малому и пустоте. Кончик пальца – одно из окончаний нашей территории, но фактически излучаемое нами биополе продолжается за пределами, формируемыми нашим сознанием.

Когда-то вы мечтали стать актером или танцовщицей, футболистом или фигуристкой, но этого не случилось. Мечты на пути от ребенка к взрослому время уносит в прошлое, изменяя возможности и облик, но собственное сознание «я» неподвластно ни времени, ни скорости. Невидимые миру «я» неизменны, что позволяет предположить их неземное происхождение, ибо на земле все бrenно.

14

Улица большого города. Время около полуночи. Стеклянная гладь высотного здания отеля устремлена к небу. Швейцар открывает дверь, в номер не хочется, поднимаюсь на пятнадцатый этаж. В бассейне никого нет. Он находится на открытой террасе. Создается впечатление, будто вода, прерывая гранитную гладь здания, соединяется с воздухом и устремляется вниз, соблазняя слиться в магическом водопаде. Подходит служащий отеля и информирует, что надвигается гроза, поэтому посещение бассейна опасно. Если есть желание, можно посетить сауну на девятнадцатом этаже. Благодарю за предложение, день как-то не складывается. Перед уходом уточняю, что вместе с массажем посещение обойдется пятьдесят долларов. Поднимаюсь на лифте, констатирую, что осталась последняя сотня, но отступить уже некуда.

Дверь открывается и меня радушно встречает стройная, черноволосая девушка, с большими раскосыми глазами. На ней маленькая клетчатая юбка. Приглашение следовать за ней на слух не воспринимается, но мерное покачивание юбки на узких бедрах предопределяет фарватер движения. Следование, к сожалению, прерывается, открывается новая дверь, где меня поджидают два китайца, похожие на борцов сумо. Стой они при входе, не вышел бы из лифта. Восточная хитрость плюс мудрость. В России сделали бы все наоборот. Лица, отмеченные достоинствами, не вызывающими желания к ним приблизиться, являются визитной карточкой баров, казино, ресторанов. Видимо, таким образом информируют посетителей, кто владельцы.

Двое в белых халатах мило улыбаются. Один заходит за спину и помогает снять рубашку, второй развязывает шнурки на полуботинках. Только в детстве самые близкие мне люди делали подобное, чувствую неудобство и стараюсь как-то участвовать в процессе. Носок уже в воздухе, не успеваю поставить ногу на мраморный пол, как теплое полотенце ложится под ступню. Если так раздевают мужчины, что на что способны женщины – китайки, японки, тайки? С этими мыслями облачаюсь в мягкий белоснежный халат и следую за сопровождающим в холл, оборудованный удобными креслами. Две двери ведут в сауну и турецкую баню. От дальнейшего сопровождения отказываюсь – на адаптацию к избытку внимания требуется время. Захожу в сауну. Воздух, при достаточно высокой температуре, непривычно легкий. Дожидаюсь признаков глубокого прогрева и направляюсь в турецкую баню. Что делать и чего ждать, не знаю. Мраморные полы и скамейки, стены зеркальные. Снизу появляется пар и постепенно заполняет все пространство, очертания предметов и контуров расплываются. Влажный горячий воздух стучится во все двери и, не дожидаясь приглашения, просачивается сквозь оболочку тела. Пора бежать.

Смена почетного караула: двое в халатах вежливо откланиваются, девушка в юбке, подчеркивающей стройные ноги и изящную талию, уводит за собой в уютный бар. Несколько посетителей с удовольствием расслабляются. Плетеные кресла завалены подушками, плавно утопаю. Поза покорности и смирения у моих ног. Что бы это значило? Аккуратно устанавливает подставку, ноги повисают, укутанные в теплые полотенца. Учитывая ограниченность средств, отказываюсь от напитков. Бармен вежливо склоняет голову, но чай приносит. Надеюсь, это обязательная программа. Оказывается, пахнет не только кофе, аромату сродни вкус. Сахар убивает вкус чая, как пиво вкус шампанского.

Лучезарная улыбка и наклон головы символизируют приглашение к следующему этапу познания мира удовольствий при погружении в себя через расслабление. Узкий коридор, полумрак и манящий силуэт. Открывается дверь в помещение, напоминающее келью. В центре стоит большой стол, покрытый белой тканью. Его поверхность напоминает силуэт человека. Ловкие и быстрые руки миниатюрной китайки снимают халат. Тепло пальцев проникает через ткань. Жестом предлагает занять пустующее белое пространство. Накрывает

все тело горячими влажными полотенцами. Голова утоплена в специальную полость, перед глазами пол, промелькнули ноги. Желание закрыть глаза и воспринимать окружающий мир через ощущения побеждает любопытство. Тепло волнами прокатывается по спине, пальцы постепенно проникают в глубь мышечной ткани. Позвонки, как клавиши рояля, подчиняясь руке мастера, исполняют заданный танец. Одна из клавиш подвергается пристальному изучению, видимо фальшивит.

– Do you feel pain here?⁵ – первый вопрос. Бегло добавляет несколько слов, которые не понимаю.

Напрягаться лень, отвечаю односложно:

– No, I don't. ⁶

Мгновение тишины – и глухой удар в области позвоночника, треск напоминает встречу корабля с рифом. Испуг вытесняет расслабленность, ожидая реакции тела на случившееся. Однако беспокойства нет, напротив, сеанс самопознания увлекает в неизвестность. Тепло перемещается к пальцам ног и рук, возникают потоки, образующие кольца в замкнутых контурах тела. Звучат слова, но до сознания не доходят. Прикосновение красноречивее слов, переворачиваюсь на спину. Разгадка происхождения молниеносного и сильного удара кажется невероятной. Девушка парила в воздухе сродни акробату под куполом цирка, используя закрепленную под потолком металлическую перекладину. Филигранная техника пальцев ног вместе с массой собственного тела мастера, помноженные на ускорение свободного падения, обеспечивали широкий спектр воздействий от легкого прикосновения до пронзительно-кинжального проникновения.

Пальцы блуждают по лицу, замирая в самых чувствительных точках. Плечи, грудь, живот объединяет единый круговорот тепла. Рука приближается к единственной части тела, до сих пор остававшейся без внимания, останавливается и выдерживает паузу.

– Rich Americans and Japans think that it has been included. What do your think about it?⁷ – произносит спокойный мелодичный голос.

Заданный вопрос перемешал в голове русские и английские слова, японцев и американцев, богатых и бедных и собственные координаты в осях указанного пространства. Почувствовав мое замешательство, она улыбнулась, поклонилась и вышла.

⁵ Здесь больно? (англ.)

⁶ Нет (англ.)

⁷ Богатые американцы и японцы думают, что это тоже включено. Что вы об этом думаете?

15

Два года назад в Рождество отец напился и не вернулся домой. Его нашли замерзшим, спасти было поздно. Я всё думаю, почему он такой сильный и замерз, а я маленький, но выжил? Может, я больше люблю жизнь, или она больше любит меня? Этот вопрос навсегда во мне. Почему в Христово Рождество все произошло? Может, отец тем бога прогневал, что все пил и душу свою губил? Но он неприкаянный был, как баян: то развернет свою душу – и тогда веселью края нет, то как гармонь заброшенная – сидит сутулый, обувь мастерит, а жизни нет в нем, будто крылья ему отрубили, как свиные копытца на Рождество. Дядя Семен все подмечал, мол, королевство ему маловато разгуляться негде, а мама говорит, смирения у него не было.

Заскрипела калитка, послышались шаги, мамин голос в сенях. В хату вошла немолодая женщина, на голове платок повязан, немного горбится.

– Ну что, милоч, будем тебя лечить, ворожить, на ноги ставить. Ты так и знай, сегодня и пойдешь, а хворь твою изгоним и в дом боле не пустим. – Говорила она, как слово к слову вязала, и такая в ней сила, уверенность была – я сразу почувствовал, не случайно она пришла, что-то произойдет важное.

– Братья, а, братья, вам дело будет – дров нанести, печь растопить так, чтоб огнем дышала. А ты, матушка, – обратилась она к маме, которая присела на скамейку и, как прилежная ученица, ждала указаний, – тестом займись. Софья Григорьевна, хлебов надо испечь и поболее дюжины, да такие, чтоб жаром дышали, а я помогать буду. Закваску неси и муку ржаную, немного медку понадобится.

Всё в доме задвигалось, все стали при деле, и как-то оно на добре было замешано – без принуждения, криков, все с охоткой старались. И мне тоже хотелось вместе с братьями бегать за дровами, раздувать огонь, подпрыгивать, чтоб он свои языки распускал, помогать маме тесто месить, приговаривая с любовью – хлеб заботу любит и поднимается оттого с радостью, – да в печь отправлять и ждать румяного.

– Пора перину на печь укладывать, Софья Григорьевна, покажи хлопцам, где взять. Две надобно, но сперва одну стелите.

По дому побежал запах теплого хлеба, но что-то в нем было необычное, какой-то густой, тягучий дух, может мед это, а может её приговоры. Она, пока хлеб пекся, все что-то бормотала – губы двигаются, а звуки невнятные, как мурлыканье, один за другой цепляются – не разобрать. А она увидела, что я прислушиваюсь, обернулась и говорит:

– Помни, хлеб всему голова – любовь положишь, и тебе обратно аукнется.

С печи раздался Пашкин голос:

– Тетя Марфа, перину разложили, дальше что делать?

– Рушники берите, чтоб руки не сжечь и тепло сберечь, и на перину хлеб укладывайте, как в постель. Второй периной – вот мы с матушкой Вам ее подаем – хлеб накрывайте, укутывайте его.

Пока братья с хлебом возились, она подошла ко мне, присела рядом, руки положила мне колени:

– Теперь Ваня твой черед. Мы поработали, теперь твоя очередь. Жарко будет, но ты терпи, впускай жар. Тогда холод в себя впустил – теперь на его место жар пойдет. И сам пойдешь. Холод через ноги выйдет, и ты ими командовать снова будешь: захочешь – победишь, а захочешь – прыгать будешь. Ну, всё, родненький, полезай на печь.

Пашка с Колей помогли забраться.

– Теперь хлеб из-под перины вынимайте, а ты, Ваня, его место занимай. Одни глаза наружу оставь, все остальное укрой. А вы, покуда не слезли, подбейте перину ему под бока и с ног.

Вспотевший Пашка старательно толкал в бока, а Колька пыхтел у ног.

– Вот так, молодцы, гарные вы мои хлопчики, теперь слезайте.

Братья прыгнули. Чувствую себя, как тесто в печи, что-то из меня выпекать будут? Тесто же тоже не ведает, что хлебом станет. Тело сопротивляется, стонет, ищет, где схорониться от сильного жара. Сердце колотится бешено, в ушах от него звенит. Пот ручьем стекает по телу, заливая глаза, но я не шевелюсь, сам в себе прячусь, чтоб не испугаться и сильным казаться. Вокруг сердца огонь мечется, дышать становится все тяжелее, хриплю, а не вдохнуть. Где-то в животе, кажется, появился холод, а снаружи его сжимает обхвативший все тело жар. Холодный комочек мечется, чувствую, надо его отпустить. Тело расплылось, как растаяло, и он распался на две части и покатился по ногам, задержался в ступнях, они как заledenели, а потом стали оттаивать. Я куда-то плыву, вокруг меня вращается печь, летают буханки хлеба, от них пар вьется... Братья на печке... Отец посмотрел на меня и пошел по дороге, и не идет, а плывет, медленно удаляется, но не шевелит ни руками, ни ногами...

Чувствую прохладу на лице, приоткрыл глаза, мама держит мокрое полотенце у меня на лбу.

– Как ты, сынок? – спрашивает тихо, а голос дрожит, вот-вот сорвется.

– Слабость какая-то, весь ватный, – говорю, а кажется, кто-то другой провалился в меня и изнутри говорит.

Пытаюсь подняться на локтях – потряхивает, как озноб побежал.

– Не торопись, – сказала сидевшая у моих ног женщина и, поглаживая ноги, пояснила: – Надобно телу в себя прийти и голове с ним познакомиться заново.

Лежу на печи и не понимаю, зачем я здесь, что происходит – как родился заново, только сразу большим.

– Ну, пора, Ваня, страх с холодом ушел, ты здоровеньким пришел. Слезай с печи, садись за стол, чай пить будем. Сахара тебе можно вдоволь и соли щепотку.

Она спустилась, за ней мама, я тоже слез. Они пошли к столу и сели на скамью. Я тоже пошел, но очень медленно, покачиваясь, ноги как не свои. Когда дошел до стола и сел, мама расплакалась и не могла остановиться.

16

Наступил тревожный для меня вечер первого дня пребывания в роте почетного караула после выздоровления. Прозвучала команда:

– Рота, отбой!

Сорок пять секунд на исполнение. Я быстро снял сапоги, положил на них портянки, гимнастерку на табуретку, сверху брюки, пилотку и ремень. Прыгнул под одеяло.

– Не умеем выполнять команду «отбой», будем учиться. Рота, подъем! – скомандовал сержант.

Так продолжалось примерно полчаса. Когда в очередной раз оделись и построились, заместители командиров взводов вывели из строя тех, кто должен к подъему выстирать и погладить форму. В избранные попали любители гусяного шага, каши, Попадюк и другие. Мою персону не обошли вниманием.

– День прошел! – крикнул кто-то из стариков.

– Лимоны, кричите «слава богу, живы», – поддержали другие.

Мы дружно прокричали. Оказалось недостаточно. Повторили раз десять.

– Старики, день прошел! – загремел тот же густой голос.

– Х... с ним! – с достоинством отозвались остальные.

Несколько человек встали со своих кроватей. «Начинается», – подумал я. Один из них прошел мимо моей кровати.

– Встать, – раздалось где-то недалеко.

Гул несколько глухих ударов вибрировал в воздухе на фоне гробовой тишины.

– Еще раз скажешь «нэ могу», будем воспитывать по ночам, – прозвучал знакомый бас.

Из сказанного угадывалось, что первый урок выпал на долю Попадюка.

Подожли к моей кровати. В темноте лица расплывались.

– Предупреждаем тебя в последний раз: будешь воду мутить, права качать – костей не соберешь.

Я уже слышал его в медсанчасти.

– Ладно, пошли спать. – Мне показалось, говорил младший сержант Егоров.

17

При прогнозировании будущего опираются на ретроспективу прошлого. Раскрытие генетического кода это путь изучения человеческого организма и его систем на клеточном уровне. Анализ судеб предшествующих поколений позволяет объяснить происходящее в собственной жизни, но не изменить ее. Переплетение богом данных уделов, уходящих корнями в тысячелетнюю историю цивилизации, реализуется в условиях современности на базе опыта ушедшего времени.

За сто лет проходит, в среднем, четыре поколения. Следовательно, за истекший век в матрицу добавилось 15 ячеек, включая тебя самого. Если предположить, что один человек – одна ячейка, сама по себе являющаяся матрицей, связанной паутиной переплетений душ, многократно приходивших в этот или другие миры, и если предположить, что все наши предки не имеют родственных связей между собой, то через 200 лет генеалогическое древо составило бы 256 человек, а через 500 лет число их превысило бы миллион. Однако, с учетом того, что на территории Руси в это время проживало не более 10 миллионов человек, линии наших родов в глубине веков сильно переплетены и связаны друг с другом, и практически четверть ныне живущих приходится друг другу дальними родственниками. Одно из генеалогических древ, уходящее в глубь времен на 500 лет, насчитывает около 15 миллионов человек. Когда мы пытаемся понять причины происходящего с нами, выясняется, что проблемы, связанные с переживанием страхов, обид и чувства вины, имеют давние и глубокие общие корни.

Незримая вереница человеческих жизней, нашедших отражение в каждом живущем на Земле, пронизывает современность знанием древности и воссоединяет вселенский и земной разум.

18

Уже шесть лет как я в семинарии. Многое понял, многому научили, а поскольку из казеннокоштных, то есть, на полном казенном обеспечении, так и лишений не испытывал. Привилегия такая дана, потому как из церковной семьи – отцу за то спасибо и за слово доброе и за разумение, да и за то, что мне на мои личные расходы денег ссужал.

Всё шло спокойно, миром, а вот нынче как витает что-то, идет к переменам. Все надышались чем-то, словно набрали полные легкие воздуха и выдохнуть не можем, распирает, и всё спорим. Вчера обсуждали до ночи, голова тяжелая, до сих пор в ломоте. Помещение всё прокуренное, да и выпили уж и не помню, сколько, но не так, чтоб сильно, а все в споре. Каждый правоту свою гнет, да так, что не успокоиться, а вопрос-то какой – сразу не поймешь, а и поймешь, принять сложно. Имя Божье творит чудеса независимо от Бога или это монахи со слов иеромонаха Досифея переняли и за истину преподнесли? Чуть не подрались в сердцах, а Федор, ровно оратор какой, вскочил на стул и давай проповедовать:

– Имя Иисуса так неразрывно связано с Богом, что, можно сказать, оно и есть сам Бог!

Сухощавый проныра Еремей, злобно скорчив лицо свое прыщавое, стаскивал его за ноги, а Федор, отталкивая его, продолжал:

– Ибо как можно отделить имя от существа!

Еремей не отцеплялся и гнусавил:

– Возомнил себе! Родом ты незнатен, возрастом скуден, смыслом невежда и ничем не отличен от прочих простолюдинов, да и смирением не отмечен, а за суждения берешься, что и из семинарии, да прямиком в Сибирь.

Затянулся Федор, как паровоз, струю дыма в лицо Еремею выпустил и в тон ему прокрипел:

– Неужто на тебя жребий Божий пал, неужто ты умудрен и научен, чтоб истины тут глаголовать.

Еремей вернулся в угол комнаты, где сторонники его сидели, силы набраться, и заорал:

– Вот такие, как ты, наслушаются, начитаются светских книжек, а потом воспримет каждый по делам своим! Потому как после Воскресения суд будет. Христову слову-то не следуете и в вечную погибель не верите, а будет! Без этой веры нет и истины! За свою душу не остерегаешься и чужие не щадишь. – Последние слова почти прохрипел, потом сел и тихо, как бы про себя: – Господь Бог Спаситель душ наших да избавит, сохранит и помилует нас.

Встал, перекрестился и, как с ним часто бывает, налил себе и залпом выпил.

Федор тоже выпил, рассказал, как ходил на закладку Преображенского мужского монастыря, и что обнаружили на том месте остатки церкви сгоревшей. А на табличке надпись «лето господне 7143», что по исчислению от Рождества Христова значит 1635 год. Опять встал во весь рост, кружкой о стол ударил, хорошо, уже пустой, и загремел:

– Вот, что важно: традиции на Руси беречь и дела предков почитать, а не тупо верить! И ты бы, Еремей, лучше просил, чтобы даровали духа разума, духа премудрости Божьими молитвами, а страха в тебе и так предостаточно.

С тем и разошлись, каждый со своим, но пара много выпустили, как без этого. Дух-то революционный летал повсюду, и среди улицы, и в семинарии – всё тряслось, и в нашей глуши тоже нетихо было, но сейчас всё успокоилось и утро пришло светлое.

Собираюсь на свидание, первая любовь, и такая дрожь по телу всему, как вспомню Варю, свою Варю, и как гуляем по садам, забредаем в березовые рощи, и птицы рассказывают, как любить надо, так нежно делятся – слов-то не разобрать, но понятно всё и до сердца добирается, а там их музыка гнездо вьет, и птенцы, их продолжение, жизнь новая.

Увидел её, когда в усадьбу ездили утреню служить. Все разошлись, а она замерла большие глаза смиренно опущены, и вся как не здесь, будто Ангелы над ней, и она с ними, душу её греют. После службы столы накрыли, она недалеко сидела, а я не мог глаз от неё оторвать, но и смотреть долго не мог, негоже. Потом показали нам парк, фонтан – скульптура красивая в центре, и вода из неё рассыпается. Потом пошли по аллеям – и дубовые, и березовые, красиво, просторы, с размахом всё. Девушки две направились к пруду, одна из них она. Меня ноги сами несли, да заплутал в кустах, стриженные они, но высокие. И вдруг оказались мы близко, и она одна у пруда, и я говорю, мол, красиво как, и она улыбнулась. Еще говорили, но недолго, пора было ехать, но уже случилось, произошло что-то, что не дает спать, дышать, думать. Мысли сбиваются, пытаешься их уразуметь, а сердце как заколотится, и они снова врассыпную, а на душе тепло.

Она поведала, что они с сестрой остались без родителей и уже давно живут в усадьбе. Граф долго добивался её сестры, жена его много лет нездорова, а он человек добрый и богатый. Сестра противилась, но все же он добился своего, и у них родился сын. Старший сын графа о том узнал, стал приезжать, кутить, Варю ударил, грубо приставал к горничным, кричал, мол, отцу дают, отчего же ему нет! Когда похождения мучителя вскрылись, граф не пожалел родную кровь, увезли барчука и в Сибирь сослали. Однако Варя уж натерпелась и сторонилась мужчин. Я уговаривал её облегчить душу, но она отмалчивалась. По обмолвкам только понял, что то ли слышала, как кричали те девушки, то ли рассказал кто.

Когда доводилось, гуляли допоздна, а то и полночь. За руки держались, в глаза подолгу смотрели друг другу и молчали. В прошлый раз обнял её, и сердце так бешено заколотилось, что едва стоять мог. И она тряслась, как в ознобе, потом отпрянула – так расстались, хотели друг другу что-то сказать, да не смогли.

Минула неделя с той нашей встречи, зашел на рынок. Туда за покупками Семен из усадьбы ездит. Повозка у него лихая – сядешь, а она качается вся, да и конь хорош. Его повар за снедью на базар посылает и по хозяйству разное прихватить. Торговки его любят – и платит легко, и статный такой, одни усы чего стоят. Ходить с ним стыд сплошной – ту обнимет, другую ущипнет, – а веселый, никогда не видел его в печали, глаза горят, как подожгли. Быстро меня до усадьбы довез, все про лошадей рассказывал, мол, они как люди, с характером, и им нужна любовь, ласка. Научишься, говорит, коня объезжать, так и бабу, как кобылку, взнуздаешь, и хохочет, того и гляди, из повозки вывалится, а я и сказать не умею.

Спрыгнул с облучка, до усадьбы не доехав. Варя, как в первый раз, стояла у пруда. Подошел, горю весь, но словно Семен в спину толкает, смеется надо мной. Взял за руку, обернулась, пальцы теплые, легко ладонь сжали. Улыбнулась, ресницы затрепетали, как паутинку вяжут, глаза прячут.

– Георгий, я так рада вас видеть. Мне очень одиноко, душа просит встреч с вами, не знаю, как высказать, – она взяла мою руку в ладони и прижала к сердцу, – где-то здесь как стонет.

Тепло нежное с рук сбегало и растеклось по всем потаенным закоулочкам тела моего, потом разом в сердце ринулось, оно заколотилось бешено и унялось вдруг, словно обняли его, утешили, нежность пришла, стало легко и спокойно. Идем тропинками, известными каждым пеньком, кустом каждым нам и нам только. Меж деревьев петляем, они прячут нас, ветками касаются, будто хотят обнять, укрыть своей сенью. На полянку вышли, круглая такая, березы хороводом нас от мира отгородили, а мир от нас. Между нами как преграду сняли. Ветром теплым её ко мне, как волну к берегу, толкнуло. Обнял я Варю и прижал к себе. Она выдохнула тихонько и, как листок, прильнула ко мне – казалось, уברי руки, и она улетит, подхваченная ветром. Сжал объятия еще сильнее. Целоваться-то не целовались, так, иногда щекой заденет щеку, нос, а тут губы коснулись её волос и как сами побежали, и с волос на лоб, на глаза, щеку, с одной на другую перебежали через мостик-носик её, вздер-

нутый немного, и, наконец, встретились с её губами, дрожащими, горячими и влажными немного. Затрясло, будто кто нас схватил и в воздух поднял и душу вытрясти хочет. Целуемся, зубами ударяемся, раздеть её пытаюсь, а руки путаются, и только мешаю ей. Сам как змея из кожи вывернулся и увидел её грудь – белоснежная такая, и две бруснички на ней. Коснулись они меня, и мы рухнули, земля закружилась и к себе притянула. И вот мы на траве, я в волосы ей лицом уткнулся, а она вся мягкая и только вздрагивает, и то ли от неё такой жар, то ли сам горю. На руках приподнялся, колени медленно опустили между её ног, тела сами соединились в одно, жар вырвался, и нас в нем закружило. И напряжение безумное, словно тщишься прыгнуть выше неба, и затем как бы выстрел и наслаждение, и тепло струйками по всему телу. У Вари волосы мокрые, ко лбу прилипли, а глаза закрыты. Вроде и говорила мне что-то, да я не понял – мы как птицы были, всё в радость, и всё в одно сплелось.

Она глаза открыла, а в них испуг, и смотрит не на меня – в небо, далеко куда-то. Сам-то не понимаю, как случилось, пытаюсь поцеловать её, но она сама не своя и будто не чувствует. Сел, и она тоже, одеваться оба стали, застеснялись. Потом она колени поджала к груди, голову на них положила, глаза закрыла, и слезы – вроде и нет их, а щеки влажные... Опустился рядом, сам чуть не плачу, по волосам глажу, а они рассыпались и лицо прячут. Она волосы собрала, посмотрела на меня, как сердце ранила, и медленно встала. Я за ней, обратно идем, молчим. Не ждали, что случится это, и если втайне хотели, то признаться никак не могли и подумать даже, что может вот так, сразу. Шаги в голове отдаются – пора, должен, в ответе. И жениться теперь надобно, семнадцать минуло – уже взрослый, уже мужчина...

19

– Просыпайся, пора стираться, – прозвучало над ухом.

В отличие от крика дневального, данный способ пробуждения показался по-домашнему добрым, уважительным по отношению к моей личности и снам.

На краю кровати сидел Саша Герасименко, приглушенный свет из коридора отражался от его лица, очерчивая идеальную яйцевидную форму головы.

– Который час, – спросил я, пытаюсь плавно выйти из состояния глубокого сна.

– Три часа пятнадцать минут, – проговорил он, едва открывая рот. Кажется, он что-то бережно в нём хранит, боясь выронить, оттого голос звучит тихо, звуки тянутся и, цепляясь друг за друга, тонут.

Приняв сидячее положение, я увидел силуэты ребят в трусах и сапогах тихо перемещающихся по казарме. Это было похоже на замедленную съемку в инфракрасном свете.

Натянув сапоги на босу ногу, подхватив форму и мыло, следуя за Александром к умывальникам. Проходим мимо дневального, прислонившегося к тумбочке в неравной борьбе со сном.

Около умывальников кипит работа. Пропитанная потом и пылью форма приобрела новые водоотталкивающие свойства, проявляющиеся в нежелании входить во взаимодействие с мылом и холодной водой. Руки, пытаюсь заменить стиральную доску, постепенно краснеют и начинают гореть. Временами пальцы проскальзывают по намыленной поверхности хлопка и врезаются в металлические пуговицы. Удаление мыла столь же длительная процедура, как и его нанесение.

В казарме не топят, и чтобы форма высохла, необходим сильный отжим в скоростной центрифуге. Саша берет штаны с одной стороны, я с противоположной, и начинаем вертеться, каждый вокруг своей оси, ныряя под руки, превращая одежду в канат. Метод оценили. Парные танцы на мокром кафельном полу в сапогах и трусах объединяли и вселяли надежду, что ты не один, что не каждый сам за себя, в все друг за друга. Глаза открываются, подавленность уходит.

Развесив форму на спинках кровати, я направился к гладильному столу. Утюг оказался один, поэтому пришлось записаться в длинный лист ожидания. Каждый предыдущий будит последующего. Почему-то вспомнились слова из песни Высоцкого:

«А каждый второй
Тоже герой,
В рай попадет
Вслед за тобой...»

Тишина и спокойствие приятно окутывали, медленно уводя в мир сновидений. Часть мозга, ответственная за сон, включается независимо от нашего сознания.

20

Улица большого города. Витрины магазинов залиты светом. Захожу в ночной бар. Весь интерьер задрапирован белой тканью, подсветка оттеняет складки, придавая пространству форму и объем. Столы прячутся под белыми скатертями, стулья укутаны в белые чехлы, официанты носят белые фартуки и манжеты. Люди сидят парами в глубине зала. Звучит знакомая мелодия Элтона Джона.

– Guten Abend⁸, – говорит официант и кладет на стол меню.

На его доброжелательность отвечаю сдержанной улыбкой. Язык меню незнаком.

– Have you got an English menu?⁹ – спрашиваю я, недоумевая, почему меня приняли за немца.

Официант утвердительно кивает и удаляется. По доносящимся обрывкам разговора барменов становится понятно, что они беседуют между собой на немецком. Содержание меню несколько обескураживает. Официант склоняется надо мной для получения заказа. Выбираю коктейль “Cool sex” из списка аналогичных названий. Мягкое кресло притупляет внимание, и не сразу бросается в глаза, что все сидящие пары состоят из мужчин. Одеты со вкусом, преобладает черно-белая гамма, облегающий силуэт подчеркивает фигуру, шарфы изящны, стрижки элегантны.

Официант, широко улыбаясь, приносит напиток в высоком красивом фужере. Из бокала торчат соломинка, зонтик и зеленая рыбка. Ощущается присутствие рома и тропического сока, прочие составляющие растворяются в моем незнании. Входят новые посетители. Двое мужчин, один высокий, с утонченными чертами лица, другой полный, с растерянными на подушках волосами. Проходят мимо меня. Рука толстого ложится на талию высокого, а затем медленно опускается на его ягодицы. Мое тело вскидывается со стула и выпрямляется. Быстро достаю из кошелька деньги, оставляю двадцать марок и выхожу.

Накрапывает дождь, но тепло. Уличные столики спрятались под зонтики. Из одного ресторанчика доносятся исполняемые под гитару песни Азнавура, посетители периодически взрываются аплодисментами. Проезжающие в двух метрах машины известных во всем мире марок не оставляют неприятного запаха отработанного газа, тихо шуршат покрышки, изредка прорывается рокот моторов.

– Странно, – подумал я вслух, – можно говорить по-русски и никто тебя не поймет.

– Вы из России? – обратился ко мне мужчина, сидящий за соседним столиком.

– Да, – вырвалось. Откуда эта подавленность в голосе?

– Вы простите меня за акцент. Мои родители покинули Россию с первой волной эмиграции. Всегда испытываю голод по общению на родном языке, – добавил он.

– Кто-то из моих родственников, насколько я знаю, тоже эмигрировал. Родной брат отца прадеда, заметный в ту пору писатель. Известность ему снискали романы «Санин» и «У последней черты». Однако Горький назвал «Санин» контрреволюционной книжкой – по тем временам, считай, приговор. Вдобавок навесили ярлык порнографического чтива. Кажется, он уехал в Варшаву. Его фамилия была Арцыбашев. Вам знакомо это имя?

– Да, да, конечно знакомо. Насколько я знаю, Михаил Петрович недолго прожил в эмиграции, года два или три, рано умер. Мне довелось прочесть его философские суждения о Чехове, Толстом. Много интересных мыслей. Важность индивидуума, отдельной личности, тайна внутреннего мира. Очень искренне и смело отстаивал свое видение людей, смысла жизни. После смерти Толстого, давая оценку его жизненного пути, будучи почитателем его

⁸ Добрый вечер. (нем.)

⁹ У вас есть меню на английском? (англ.)

таланта, обозначил некие границы парения гениев. Писал, что он молодец-то молодец, но среди овец. Его очень за это критиковали, но и сейчас есть, над чем задуматься, перечитывая эти строки.

– Я думал, как имя Михаила Петровича незаслуженно стерли, так почти никто о нем и не знает. Его книг в России практически не найти. Тем удивительней встретить за границей незнакомого человека, кто бы читал и заинтересовано обсуждал его произведения.

– Он был очень известен в начале двадцатого века. В сохранившейся библиотеке родителей мне довелось еще в раннем возрасте прочитать его записки, а позже и «Санина». Кажется странным, что Арцыбашева обвиняли в проповеди разврата. Неспособность разглядеть, какими сокровищами самых нежных и трепетных чувств пронизаны его произведения, можно объяснить только слепотой или откровенной предвзятостью. Его сравнения женщины с молодой красивой кобылицей кажутся сегодня невинными, а в то время вызывали негодование пуританской части общества. Извините, а вас не посещало желание писать? Возможно, это было бы интересно.

– Стихи писал, прозу – нет, и серьезно не задумывался на эту тему, – ответил я скорее себе самому. Никогда не задавался подобным вопросом.

– Извините, меня уже ждут. Приятно было увидеть потомка Арцыбашева и обменяться мнениями. Подумайте, правда! Начинания так увлекательны. Попробуете продолжить традиции. Дарования, бывает, передаются и через несколько поколений. – Он засмеялся и продолжил: – Вспомнил строки, когда-то взволновавшие меня: «Возбужденный ее мокрым и покорным телом, он целовал и мял ее». Поражало исключительное внимание к красоте и энергетике тела, что не свойственно классической русской литературе. Там, где Толстой и Достоевский заканчивали писать, Мопассан и Золя только начинали. Продолжите...

Он встал, поклонился и направился к выходу, взяв под руку изящную женщину в длинном плаще. Тень ее шляпы оттеняла точеные черты лица, а походка подчеркивала плавные линии бедер.

21

В гимназии наступили каникулы. Отец, как и обещал, повез меня погостить к бабушке. Путешествие на поезде представлялось увлекательным приключением – новые люди, станции шумные и пустынные, немыслимые шляпки, чемоданы, сундуки, бегущие колеса. Все это живет своей жизнью, вовлекая новых и отпуская старых пассажиров.

Поезд миновал Харьков, кондуктор объявил, что на следующей станции пересадка на Ахтырку. Мы сошли на перрон. Теплый ветер с полей нес душистый аромат, и радость переполняла меня. Ехать оставалось всего двадцать верст, но ждать поезда пришлось около пяти часов. Мы зашли в небольшой ресторанчик на вокзале. Там было достаточно шумно, люди сидели в основном парами, отдельные слова, фразы сливались в единый хор, словно пение сверчков. Между столиками шустро сновали официанты, казалось, они боятся опоздать. Каждая минута заполнялась новыми звуками, мне передавалось царящее в зале общее волнение, люди заняты собой, своими детьми, своими вещами, временами бросают быстрые взгляды в окна, ожидая появления поезда. В общий гул ворвался гудок приближающегося паровоза. Кто-то начал суетливо собираться, а кто-то настолько увлекся разговором, что не замечает происходящего. Папа рассчитался с официантом, который мило мне улыбнулся, убегая к следующему столику, и мы вышли на перрон. Теплый воздух от разгоряченного паровоза окутал меня. Мы зашли в свой вагон, я села у окна, поезд медленно тронулся, очертания станции стали удаляться, и все закружилось, запестрело калейдоскопом – и снова убаюкивающее постукивание колес уносит вдаль, в путь, который не может и не должен никогда закончиться.

На перроне нас встречал дедушка, как всегда, подтянутый. Безупречный мундир четко обозначал его положение в здешнем обществе – уездный начальник полиции. Папа говорил, эту должность дедушка получил после многолетней службы в гвардии. Гусары, гвардия, сражения – от этих слов веяло романтикой, приключениями. Полиция, жандармы – скука, но люди уважают. Мы валились с ног от усталости, но едва переступили порог, как бабушка усадила за стол, и глаза у нас разбежались. Меня особенно привлекало домашнее варенье, в первую голову сливовое. Дедушка с папой выпили за встречу и принялись горячо обсуждать отношения с Германией. Бабушка подхватила меня под руку и увела в уютную спальню на втором этаже, где я всегда у них жила. Я утонула в перинах и очнулась только утром. За завтраком дедушка сообщил, что неподалеку, в Доброславовке, снимает дачу папин брат и будет рад повидаться. Мне льстило, что известный писатель готов уделить мне время. Около полудня к дому на дрожках подъехал молодой офицер. Представился подпоручиком Вяземским. Бабушка радушно пригласила его за стол:

– Присаживайтесь, Володенька, выпейте чайку. Леночка, красавица наша, приходится мне внучкой, а Михаилу Петровичу племянницей. Как поедете, не торопитесь, по дороге монастырь нашей барышне покажите.

Нахлынула горячая волна смущения – все-таки незнакомый молодой офицер будет сопровождать меня в поездке. Я извинилась и выскользнула за дверь. У себя в спальнеглянула в зеркало – румянец так и не появился. Мое отравление и стало основной причиной отправки на лето в Ахтырку – развеяться, согреться бабушкиным теплом. Я глубоко выдохнула, прилегла на свою «думочку» по имени Яся, которую всегда вожу с собой, успокоилась, собралась с духом и вернулась в гостиную.

Дрожки катили вдоль городского парка, разноцветные наряды дам украшали зеленые аллеи. Нежный аромат садов казался осязаемым и заполнял все пространство вокруг и между нами, но мне казалось, что я горю.

– Вы бывали прежде в здешних местах? – спросил он, устремив на меня голубые, словно два ручья, глаза. Под свежестью этого взгляда скованность моя растаяла.

– Да, мы раньше часто навещали к деду с бабушкой всей семьей и с удовольствием вспоминаем об тех поездках. Давно хотела навестить их снова. А ваши родители тоже родом отсюда?

– Они живут в Петербурге, а меня временно откомандировали в Ахтырку.

– После столицы, наверное, скучаете? – спросила я, думая о балах, приемах, но уточнить не осмелилась.

В это время мы подъехали к бескрайнему разливу Ворсклы. В половодье невозможно понять, где начинаются и заканчиваются ее берега. В камышах покачивались стайкой прогулочные лодки. Володя спрыгнул с дрожек и подал мне руку.

– Трястись по мосткам не столь приятно, как прокатиться на лодке. Кроме того, монастырь с воды смотрится загадочным замком. Соглашайтесь.

Он медленно взмахивал веслами, зачерпывая воду и рассыпая ее гроздьями жемчужных брызг. Крохотные водовороты кружились в веселом танце и медленно исчезали. Бесконечные зеленые берега незаметно переходили в гладь полей или синеву лесов. Деревья тянули к воде гибкие ветви, ласково встречая и провожая гостей.

– Вы, наверное, мечтаете стать писательницей. У вас имеется достойный пример для подражания.

– Никогда не думала об этом. По правде говоря, я слышала, что Михаил Петрович вначале хотел стать художником, но сделался писателем. А меня влечет на сцену. Может, это безумие, но ничего не могу с собой поделать. Как, по-вашему?

У монастыря мы замедлили ход. Древняя обитель выросла в окружающие его холмы и почти скрылась в тени ласковых деревьев. Вдоль берега прогуливалась шумная компания студентов, они размахивали тужурками, пестрея яркими пятнами косовороток.

– Хотите прогуляться по монастырю, или направимся напрямик в Доброславовку? По пути можно завернуть на мельницу.

Мне не хотелось ни с кем делить наше уединение, поэтому я предпочла продолжить путешествие по воде.

22

– Вставай гладиться, – без акцента произнес кто-то из сослуживцев.

Пять утра. Утюг натужно ползет по мокрой одежде. Подъем через час. За мной еще несколько человек. Пришиваю воротничок на влажную форму. До подъема пятнадцать минут. Падаю на койку. Одно радует – дикий крик дневального не застанет меня спящим.

Выпрыгиваю из образовавшегося под одеялом теплого микроклимата. Плотню пеленую ступни ног в портянки и аккуратно всовываю в сапоги. Стоим на улице, кому-то доставляет удовольствие в полусонном состоянии сделать несколько затяжек.

– Бегом марш! – бодро выкатывается команда из уст замкомвзвода Сергея Егорова, широкоплечего блондина с абсолютно невозмутимым лицом.

Сапоги стучат по асфальтированным дорожкам части, напоминая топот копыт молодых жеребцов.

Стараюсь не сбить дыхание из-за постоянных толчков бок о бок на узких тропинках. Десять километров с кирзовыми гирями на ногах предполагают наличие подготовки. После трети дистанции чувствую усталость, дыхание становится рваным. Рядом бежит Герасименко. Он мастер спорта, окончил Ленинградский институт физкультуры и спорта. Периодически поглядывает на меня, видимо, памятуя исход предыдущего забега.

– Старайся совмещать ритм бега и дыхания. Попробуй на счет: раз, два – вдох; три, четыре – выдох, – бурчит он, как истинный тренер.

Мне уже и левую ногу от правой отличить трудно, корни сосен то и дело ставят подножки. Никогда не любил бегать, отдавал предпочтение игровым видам спорта: волейболу, баскетболу и футболу. Лесной воздух помогает держаться, ветки деревьев дразнят, чередуя пощечины с нежным прикосновением. Выбегаем на берег озера. Рассвет подсвечивает кроны стройных корабельных сосен, отражающихся в гладкой воде, и палатки на другом берегу.

Доводилось до службы отдыхать в этих местах с веселой компанией сверстников. Озеро прозвали Медным – выходя из воды, приобретаешь красноватый оттенок. В голове пробежали приятные воспоминания, погружая из рваного сегодня в уютное вчера.

Чтобы жизнь медом не казалась, «старики» периодически ускоряют темп. Не успеваю смахивать бегущие по лицу струйки пота. Интересно было бы взвеситься до и после забега. Любимая бабушка Дора после очередного посещения врача с присущей ей мудростью заметила: «Не пойду больше к нему на прием. Русским языком объясняю: «Не писаю». А он мне: «Вы уже все выписали». Вот и я чувствую, что скоро потеть перестану.

Периодически кто-то падает, но быстро поднимается под ударами припасенных на этот случай палок. Пройденные километры не фиксируются, но многие за год службы выучили дистанцию наизусть. Чтобы не искать глазами заветный финиш, тупо смотрю под ноги, размеренный ритм убаюкивает сознание, и организм переходит в режим автоматического поддержания заданных функций.

Выводит из сомнамбулического состояния боль в ногах – портянки, видимо, сбились в носовую часть сапога и устраивают обструкцию пальцам. Начинаешь понимать страдания юных китайнок от ношения деревянных колодок, регламентирующих допустимый размер ноги. Дикая плата за удовлетворение кем-то установленных эстетических канонов. С проблемами женщин Востока приходится расстаться: в горло перестала поступать единственно доступная жидкость в виде слюны. Как раз на это время приходится финишный рывок. Появляются бетонные конструкции забора, ворота, булочная, фонарь (последние – в погостившем у Блока сознании).

Плац и командир роты дождались своих героев. Старший лейтенант Ермолин на личном примере демонстрирует, что и куда надо поднимать и поворачивать. Такое впечатление, будто он не в курсе, чем мы до этого занимались. Следующий этап включает упражнения на снарядах. Подъем переворотом десять раз подряд нереальная для меня задача. Осилив три раза, я тщетно напрягаю руки, пресс и дергаю ногами. Чувствую приближается спецподготовка. Вижу, двое солдат из числа старослужащих уже подходят. В теле застряло напряжение. Не обращая внимание на мою скукоженность, помогают повторить упражнение, подталкивая за спину. Еще два раза. Один из них Сергей, сухощавый, жизнерадостный, с умными глазами и правильными чертами лица, легко взлетает на перекладину и играючи делает двадцать переворотов, словно акробат на манеже. Красиво спрыгивает и, широко улыбаясь, ставит точку в своем выступлении:

– Учись, в этом тебе высшее образование не поможет.

– Спасибо, – только и успеваю сказать и вместе со всеми направляюсь в казарму.

Костя Силин, похожий на вопросительный знак большой любитель затянуться, успел забежать в курилку. Вернулся с изрядно раскрасневшимся лицом, бровь над левым глазом распухла. Не успели мы его расспросить, а он уже давал объяснения младшему сержанту Егорову. Подошли несколько «стариков». Выяснилось, что в курилке он столкнулся с танкистами. Мы видим их только на общем построении части, в основном это ребята из Средней Азии и Закавказья. По общему мнению, у них в подразделении самая изощренная дедовщина. Например, распространенный прием воспитания молодых солдат включает выполнение команды «смирно» и отдания чести настенному выключателю. Костя, как следовало из его объяснений, позволил себе сесть в присутствии сержанта, не уступил место, не отдал честь. Разговор быстро перешел на личности с упоминанием членов семьи.

– С-стройся!

Занимаю место правофлангового во второй шеренге. Первую оккупировал элитный «Огонек», лучшие представители роты. Торжественные церемонии у Вечного Огня на Пискаревском кладбище держатся на их широких плечах. С песней «День победы» маршируем в направлении столовой. Рота танкистов во главе с сержантским составом возвращается с завтрака. Расстояние между ротами с каждым шагом сокращается. Противостояние нарастает, уступать никто не хочет. Многое зависит в данный момент сержантов. Спасительной команды «стой!» нету. Сержант танкистов напрягся. Егоров приказывает первой шеренге перейти на парадный шаг, выполняемый перед Постом номер один: угол подъема ноги сто двадцать градусов. Порядки танкистов сметены. Сержант, выделяющийся щегольски растегнутым воротничком и непомерно высокими каблуками, бросается наперерез Егорову. Подобно птице, он на мгновение взлетает и парит в воздухе, с трудом касаясь носками сапог земли. Сказанное им при этом воспроизвести трудно, да и значения оно уже не имело. Мы беспрепятственно проследовали в столовую, исполненные чувства собственного достоинства, которое так упорно душили в нас на протяжении всего пребывания в армии.

Завтрак прошел без инцидентов. Желающих получить добавку не нашлось. Мы вернулись в расположение роты. Чистка сапог. Когда два сапога рядом, сразу видна разница: у «старика» он лучше подогнан по ноге, не так потаскан, и каблук в два раза выше. То же распространяется и на форму. «Лимона» можно сразу отличить по мешковатому силуэту: перешивать гимнастерку разрешается только по истечении определенного срока службы. Растегнутый воротничок для одних грубое нарушение, для других – норма. Сложная система неписанных армейских законов требует времени для усвоения.

23

Воспоминания, потрепанные временем обрывки ненаписанных страниц. Мы редко тревожим собственные архивы. Нам свойственно искать благодати в будущем, нежели наслаждаться погружением в прошлое. Жизнь так стремительна, а мы так ненасытны. Она так хороша, что может позволить себе не учитывать наше мнение, но не замечать ее красоту в повседневной суете – расточительное безумство. В этом смысле воспоминания не являются прожиганием времени, а помогают осознать его невесомую ценность.

Высокую степень достоверности при погружении в прошлое обеспечивает метод последовательного приближения. Сначала открываются крупные формы. Например, первая любовь. Главное здесь – ощущения, служащие проводником к персонажу, месту, событиям. Более глубокое погружение – воспроизведение конкретной встречи, обстоятельств, обстановки, запахов.

Люди часто пользуются воспоминаниями, рассказывая истории из жизни. Если слушать их регулярно, со временем они, как правило, начинают повторяться. Мы задействуем информацию, расположенную на расстоянии вытянутой руки, на верхней полке нашей памяти, часто протираемой от пыли. А ведь стоит покопаться, медленно погружаясь в толщу времени, расширяя арсенал событий, извлекая на свет всё новые старые переживания, образы, события.

Прошлое медленно оживает и наливается соком, как соски спящей женщины от едва заметных прикосновений. Великое таинство заключено в системе записи впечатлений, видео и аудио-рядов. Что оседает, а что пропадает безвозвратно? Кто цензор, стирающий и вычеркивающий незначимые, с его точки зрения, события, переживания, персонажей? Как связано наше будущее с забытым прошлым? Почему люди повторяют ошибки? Почему опыт прошлого не служит уроком на будущее? Может, мы должны быть открыты для страданий, высвечивающих истинные ценности? Дабы благие помыслы не растворялись в бесконечной череде соблазнов и страстей, идей на уровне нулей, нулей на тронах королей. Внутренне желание избавиться от лишнего бремени уравнивается периодической перезагрузкой внешнего мира. Он неустанно напоминает о себе, подсказывая, как жить, чтобы выжить, и доказывая, что для выживания надо жить. Потеря ориентиров в ценностной системе координат искажает функции иммунной системы, и блуждающие метеориты несчастья прорывают защитную атмосферу сознания. Сегодня подсказано нам вчера, вчера приближает позавчера, и цепочка дней уходит в глубину веков к истокам истин, погребенным в толще тысячелетий.

24

Мы снова переехали. На этот раз в отдельную квартиру. Комната с выходом на балкон, сидячая ванна, напоминающая горшок ручкой внутрь, четырехметровая кухня. Когда папа ловил сбежавшего в очередной раз хомяка по имени Тихон, замеченного в попытках перегрызть папин любимый буксировочный трос, ноги отцовские располагались в прихожей, а остальная часть тела через комнату уходила в коридор до дальнего угла кухни.

Дом уютно притулился среди коллег-хрущевок по соседству со строительным комбинатом, сортировочной станцией и магазином «Юный техник», предлагавшим широкий выбор дешевых товаров – от гвоздей до некондиционных телевизоров. Зарплаты были мизерные, и потому своими руками пытались собрать все, что только можно, от мебели до телевизора.

Я выпал из гнезда бабушки Доры и дедушки Вани и из школы у кинотеатра «Спартак», славной своими традициями бывшей гимназии для мальчиков. Игры в «кис-кис-мяу», «бутылочку» и «ремешок» казались неотъемлемой частью школьной жизни. Они включали поцелуи через платок, вопросы наедине, почему-то опальный фиолетовый цвет и напускную таинственность, маскирующую отсутствие ясных представлений о сути происходящего.

Оставили следы первая влюбленность и первый опыт по защите чести и достоинства.

Новую страницу ощущений, вызываемых противоположным полом, приоткрыла Лена Шейхман. Карие глаза лучились озорством, бойкость и рассудительность в одиннадцать лет подавляли. Выбрав три вопроса наедине в одной из игр после занятий, полагалось зайти в парадную, что мы и сделали. Пока я мучительно собирался с духом, она предложила поцеловать ее, и я честно клюнул ее в щеку. Потом спросила:

– Хочешь посмотреть на мои трусики? – И не дожидаясь ответа, легким взмахом приподняла и так достаточно короткую пласированную юбку. – Интересно, что под трусиками? – спокойно продолжала она, глядя мне прямо в глаза.

Меня пробрал озноб, пришлось стиснуть зубы, чтоб не стучали.

– А вот мне неинтересно, потому что на уроке физкультуры, когда ты спускался по канату, все было видно. – И она с хохотом выскочила на улицу.

Лицо горело. Я перевел дыхание и последовал ее примеру. Две девочки крутили длинную скакалку. Лена высоко подпрыгивала, выполняя различные фигуры. При этом белые трусики периодически обнаруживали свое присутствие, и казалось странным, что мгновение назад они произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Мы часто лазили по крышам и пробирались через черный ход в кино. Лена хорошо училась и при этом умудрялась гулять сколько угодно. Как-то в одиннадцать часов вечера раздался звонок в дверь. На беду ко мне как раз заехал с инспекцией папа, он и встретил Лену с подружкой. В комнату он вернулся весьма озадаченный.

– Это твои одноклассницы? – Папа явно надеялся получить отрицательный ответ.

Мое робкое «да» плохо уложилось в его версию.

– Странные девочки. Они были очень настойчивы. У меня сложилось впечатление, что ты регулярно прогуливаешься в такое время в их компании.

Уши горели, но делиться своими сердечными переживаниями никак не входило в мои планы.

– Случайно зашли. Не знаю, чего их принесло.

– Однако мне стоило немалых усилий, чтобы по обоюдному согласию перенести твое участие в прогулке. – Он хитро улыбнулся и, посмотрев на меня, добавил: – Кажется, мы вовремя собрались переезжать.

Душевные переживания того времени не ограничивались нежным противостоянием, составлявшим основу взаимоотношений мальчиков и девочек у нас в классе. Багаж отрицательных эмоций формировался под воздействием высокой, темноволосой старшеклассницы с отрешенным лицом и большеголовых второгодников. В первом случае – неожиданные толчки и подножки. Лежа на полу, я мучительно искал ответ в ее непроницаемых глазах – зачем? Или она не контролирует собственные конечности, думал я, или сумасшедшая. Неопределенность пугала. Во втором случае – плевки в лицо. Боль обиды заглушала следующие за плевками удары. Справиться одному с тройкой быков не представлялось возможным. Обращение за помощью к родителям вылилось в жесткий разговор и практические занятия по самообороне.

Долго ждать повода для применения новообретенных навыков не пришлось. Класс не успел разойтись на перемену, и меня окружили. Перед тем как плюнуть в лицо, жертву обычно затаскивали в угол. Важно оказалось сделать первый шаг. Удар, угодивший одному из второгодников в глаз, явился для них полной неожиданностью, но главное, стал знаком к общему восстанию. Вошедший в класс учитель с трудом устроил разгулявшуюся стихию. В результате всем поставили кол за поведение, вызвали моих родителей, а второгодников перевели из нашего класса в другой. Символом протеста осталась в памяти худенькая девочка, вскочившая на парту с занесенной над врагом туфелькой. Остальное стерло время или мудрость Создателя, исходящего из принципа необходимого и достаточного.

25

Лодка уткнулась носом в камыши. Горячая ладонь поручика Вяземского послужила надежной опорой, и я, соскочив на берег, проследовала к поджидавшим нас дрожкам.

– Вы не устали?

Мелкие капельки воды у него на лбу прятались в тени козырька фуражки. Жарко, подумала я. А может, он тоже волнуется? Может, достать платок и смахнуть их? Нет, я сошла с ума – что он подумает?! Да, он ведь задал какой-то вопрос. Чего доброго, решит, что паузу выдерживаю, интересничаю.

– Извините, я задумалась и не расслышала.

– Ничего. Взгляните, дорога петляет, и уже показались крыши, скоро будем в Добро-славовке.

Очертания хутора неспешно проступали на фоне бескрайних лугов. Ворскла теряла голову, ее воды неслись наперегонки с ветром, в котором сплетались ароматы цветов, дыхание полей, свежесть воды – незабываемый букет, дар ее величества Природы.

– Чувствуете этот ни с чем не сравнимый запах? В нем сила лесов и нежность полей.

– Служба притупляет остроту ощущений, но сегодня...

Приближение плотины сопровождается шумом, грохотом, рокотом. Мельничные колеса мельницы, словно огромные черные крылья, взлетают, поднимая гладкие пластины воды и разбрасывая их мириадами радужных капель.

– Я опять не расслышала вас – шум плотины проглатывает слова.

– Если их поглотил шум, значит, они не стоят того, чтобы повторять их в тишине.

Всего шесть верст разделяют хутор и Ахтырку, но мне кажется, будто мы совершаем кругосветное путешествие. А вот и станция назначения. У забора дачи, которую снимает Михаил Петрович, толпятся мужики.

– Они необычно одеты, красные сапоги.

– По выходным часто гуляют, нарядные, поют.

Мужики поздоровались, поклонились и проводили нас взглядом. На крыльце появился Михаил Петрович, черная косоворотка подчеркивала изящество его сухопарой фигуры. Он спустился к нам навстречу и обнял меня.

– Сударыня, вас не узнать. Девочки так стремительно превращаются в барышень. Глядя на вас, еще сильнее ощущаешь неумолимую быстротечность времени. Хочется так много успеть, и приходится торопиться.

Он вздохнул. Вспомнила, отец отмечал его неулыбчивость.

– Володя, рад вас видеть. Повезло вам со спутницей, очень повезло. Надеюсь, посидите со мной за чашкой чая? – Он распахнул дверь. – Проходите, располагайтесь.

Гостиная просторная, светлая, стены украшают картины, большой стол, в дальнем углу пышный диван и кресла, обтянутые золотистой тканью. Это как-то не вязалось с моим представлением о дачной обстановке. Михаил Петрович расположился на диване, мы устроились в креслах.

– Константин Петрович приехал вместе с вами?

– Да, папа остался в городе. Надеется вас увидеть. Бабушка просила передать приглашение вам и вашей супруге на ее знаменитые пельмени в субботу. Мне тоже не разрешили засиживаться, дабы не мешать вам работать.

– Глупости, Леночка. Пишу я, как правило, по ночам, днем же гуляю по березняку, катаюсь на лодке. Стараюсь подплыть как можно ближе к плотине – там такая мощь, что дух захватывает, а опасность притягательна. Вы, как мне помнится, натура мечтательная, стало быть, имеются некие устремления на будущее.

– Во время поездки мы с поручиком Вяземским обсуждали мои пристрастия. Меня влечет сцена.

– Михаил Петрович, – вступил в разговор Володя. Мне показалось, что за внешним спокойствием он с трудом прячет волнение. Он был очень молод, и румянец еще не покинул щеки, в отличие от моих. Он достал платок и несколько раз коснулся лба. – Я говорил Елене Константиновне, что у неё есть прекрасный пример для подражания. Сейчас для женщин модно писать.

– Володя, дорогой мой, в жизни нельзя подражать. Важно слушать и слышать себя самого. В каждом важна ценность личности, все эти революционные лозунги и идеи растворяются, а человек, с его переживаниями, исканиями, страданиями, если хотите, останется. Пройдемте на балкон, чай, думаю, уже подали.

Стол красиво накрыт – белоснежная кружевная скатерть, почти прозрачные фарфоровые чашки, высокие бронзовые подсвечники.

– Михаил Петрович, если не секрет, над чем вы сейчас работаете? – спросила я, стесняясь признаться, что отец считает чтение романов брата преждевременным для меня.

– Роман. «Женщина, стоящая посреди». Но название не окончательное.

Он надолго задумался. Отец говорил, это у него появилось после попытки свести счеты с жизнью. Однако дядя не показался мне замкнутым, я не утерпела:

– Не знаю, удобно ли задавать подобный вопрос, но, хотя бы в двух словах, расскажите, о чем роман?

– Я бы, конечно, предпочел, чтобы вы, дорогая моя, прочитали его. Правда, не уверен, что ваш отец благосклонен к моим писаниям. Но, если действительно в двух словах... Что может писатель в двух словах? Пытаюсь донести, что счастье заключается в том, чтобы жить полной жизнью, без преград и запретов. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос? Хотя вряд ли наше пуританское общество готово такое переварить.

Часы пробили шесть раз. Пора было собираться в обратный путь. Бабушка, наверняка уже беспокоится и станет браниться. а главное, чего доброго, запретит мне самостоятельные поездки в обществе Володи.

26

Звучит команда, приступаем к строевой подготовке.

Ежедневные десятикилометровые пробежки, зарядки, полосы препятствий – все это только подготовка к главному, искусству владения телом и оружием при несении караульной службы. Каждому выдан семизарядный карабин Симонова со спиленным бойком. Выстрелить из него невозможно. Исключение случайностей во время проведения торжественных церемоний просматривается во всем.

Отрабатываем команды «на плечо» и «к ноге». Стою по стойке «смирно», карабин тоже стоит по стойке «смирно» рядом с правой ногой. Нас связывает правая рука, вытянутая вдоль туловища и фиксирующая карабин между большим и указательным пальцами.

Рота разделена на группы по десять человек каждая. Нашим обучением руководит замкомвзвода Егоров. Он стоит лицом к нам и показывает движения. По команде «На пле-» карабин приподнимается, далее следует «-чо!» – удар прикладом, карабин перемещается вдоль тела и фиксируется в положении, при котором плечо и предплечье составляют прямой угол в плоскости перпендикулярной плоскости тела на уровне груди. Кисть левой руки сжимает основание приклада на уровне талии, правая рука возвращается в исходное состояние.

В длину карабин со штыком примерно полтора метра, вес около семи килограммов, верхняя часть смещается вперед и удерживается в указанном положении. Левая рука немеет, тело столбенеет. Сжимая зубы, стараюсь не потерять контроль над собой и карабином. Избавление наступает после команды «К но-ге!», симметричной по исполнению к предыдущей.

Возникает следующая проблема – не уронить карабин. Отягчающие обстоятельства: левая рука практически не слушается, контролировать движения глазами запрещается. Удастся поймать, но возникает дикая боль. Большой палец ноги принял на себя удар приклада. Палец медленно разбухает, занимая свободное пространство сапога. Боль притупляет восприятие нагрузок, которые продолжают нарастать, заставляя боль молчать.

После неоднократного повторения команд у кого-то падает карабин.

– Недопустимая ошибка, – тон Егорова усиливает значимость сказанного.

– Если почувствовал себя плохо, дай отмашку за спину, но не в момент прохождения делегации. Если видите, что кто-то падает, один подхватывает карабин, другой товарища. Если он стоял в первой шеренге, сосед из второй занимает его место. Все делается быстро и без шума, почетные гости ни чего не должны заметить. Есть вопросы?

Все молчали. По лицам стекали капли воды, дождь не являлся основанием для приостановки строевой подготовки.

– На пра-во! На пле-чо! Шагом марш!

Квадрат десять на десять, глаза в затылок товарища. Правая рука двигается одновременно с левой ногой, отрабатывая «питерскую» отмашку. В отличие от московской, она более широкая. Рука стремительно перемещается, фиксируясь на мгновение в крайних положениях.

– Тянем но-сок, держим линию. Но-гу выше. Фуфаев, я сказал, выше! Спину не гнем. Куда карабин положил?! Что это за отмашка?! Ногу ставим с ударом. Не спать! Шестьдесят шагов в минуту. – Егоров каждое слово растягивает по слогам в такт командам.

Прекратив комментировать наши достижения, замком подзывает трех «стариков», те участвуют в строевой подготовке лишь формально. Один из них занялся персонально Костей. В результате за спиной у бедняги разместились целых три карабина: один вдоль позвоночника, второй – поперек на уровне лопаток, третий – на уровне поясницы. Вся эта конструкция удерживается за счет нехитрого переплетения с его руками. У одного из «ста-

риков» появилась сабля, положенная по уставу офицерам роты почетного караула. После каждого подъема ноги острое лезвие застывает под голенью на определенной высоте от асфальта.

Сравнительный видеоряд, отражающий общую картину лошадиного труда с элементами изошренной дрессировки, не вызывает ни эмоций, ни протеста, ни сострадания – ровным счетом ничего, кроме безумной усталости и гула в голове и ногах от глухих ударов сапог о плац. Может быть, подобные условия делали из человека раба или воспитывали силу воли оставаться человеком.

– Стой! К но-ге! На спортплощадку марш! Нет растяжки – будем тренировать! – Очередная команда с соответствующим комментарием.

Не важно, что ждет дальше, – главное прекратить утюжить асфальт. Подошвы горят, ноги то деревянные, то ватные. Йога, балет, гимнастика предусматривают растяжку мышц. Мы тоже неплохо смотрелись бы в гимнастическом зале, у балетного станка или на циновке среди молчаливой красоты Гималаев. Но мы солдаты, нас не положено любить и уважать. Задача – за короткий срок вырубить по образчику винтик военной машины.

Подхожу к перекладине, установленной на высоте полутора метров. Забросить на нее ногу удастся отнюдь не с первой попытки. Выпрямить ее еще сложнее – подгибается опорная нога. Подходит Сергей, взявший надо мной негласное шефство. На сей раз его улыбка несколько иронична.

– Постарайся встать прямо. – Замыкает руки на моем колене и тянет вниз.

Связки и мышцы сопротивляются, больно. Правая нога пытается согнуться, левая не желает разгибаться.

– Попробуй не думать о боли, расслабься. – Его слова, видимо, реакция на мое перекошенное лицо.

Сняв напряжение, а затем практически повиснув на ноге, Сергей наглядно иллюстрирует методику растяжки мышц, пройденную в свое время им самим. Больно – не то слово. Но и нога заметно выпрямляется, процесс пошел.

– Спасибо, что не оторвал. – Пытаюсь шутить.

– Ничего страшного, жить будешь, – парирует Сергей и уходит так же быстро, как подошел.

Очередная команда прошла, не затронув мои нервные окончания. Ощущение скрытой за внешней жесткостью доброты высветило невидимые прежде опоры в этом чужом, забытом богами пространстве.

27

Настоящее всегда ограничено, будущее, если и светлое, то не близкое, прошлое пусть и темное, но родное. Мы часто испытываем одиночество и устремляемся в разреженное пространство воспоминаний. Необходимо быть осторожным с архивными записями, вытаскивая их из лабиринта складских ячеек.

Очевидно, что системы памяти сохраняют предметы, события совсем не так, как нам представляется. Рецепторы зрения считывают информацию в виде неких снимков и сравнивают их с имеющимися в памяти. Стоит понять, что полка на ножках это стол, и мы моментально его идентифицируем. При этом важно, что его назначение – прием пищи. Да, столом можно ударить по голове, но эта связь не находится в прямой ассоциации. Пытаясь вернуться к каким-то событиям, но не зная, как использовать собственную систему памяти, мы пытаемся искать некие ассоциации, подсознательно догадываясь, что события хранятся отдельно от информации, отражающей время, а подробности лежат в каком-то другом месте или утеряны навсегда, потому что в тот момент мы не концентрировали на них внимание.

Временную шкалу можно представить в виде дороги с указателями крупных городов и незначительных населенных пунктов, аналогов важных и незначительных событий в жизни человечества, страны и своей собственной. Если пролистывать воспоминания очень быстро, запомнятся Ленинград и Москва, а Новгород, Тверь, Бологое останутся в забвении. Растворятся в бездне покинутого прошлого люди, переживания, разочарования и надежды.

Говорят, мы представляем собой то, что едим. Но ведь то, что мы едим, связано с тем, что мы помним о еде. Если человек все время голодал, то отпечатки памяти ассоциируют и мясо, и яблоко, и пирожное, как еду, которая утоляет голод. Если гадаешь, почему ты толстый, следует вернуться к отпечаткам памяти и разобраться в них. Не все, что утоляет голод, полезно, многое из этого яд. И если представить, что пирожное делают издохлых крыс, а, судя по их составу, это недалеко от истины, то вскоре отпечаток, связанный с пирожным, претерпит изменения, и вы больше не позволите себе тратить на это деньги.

Порой воспоминание представляется в виде глиняного слепка, возникшего при первом впечатлении, например, от поцелуя девушки, то это только часть правды. Каждый новый поцелуй будет сравниваться с первым, но только в течение ограниченного времени. Понятийное расчленение окружающего мира дает нам возможность укладывать в ячейку памяти под кодом «поцелуй» все новый и новый опыт. Но если вам кажется, что сегодняшний поцелуй существует сам по себе и связан с эмоциями, вызываемыми конкретным человеком, то вы ошибаетесь. Ваша система кодирования, сравнивая его с предыдущими, может счесть его вообще ни чем не отличающимся. Допустим, дело происходит в ресторане. Вы слушаете признание любимого человека и впитываете каждое его слово, отгородившись от внешнего мира нахлынувшей волной эмоций, и вдруг за соседним столом кто-то произносит ваше имя. И тут выясняется, что признанием увлечено только одно ухо, а второе фильтрует прочие потоки информации, и как только появляется важный отпечаток, оно подает вам сигнал. Мы бесконечно сложная система, и если мы хотим понять, что происходит с нами сегодня, то следует разбираться с тем, что заложено в прошлом – и не только нашей жизни.

28

Началась Первая Мировая война. Отцу Елены предстояло в ближайшее время отправиться на фронт. Чувство патриотизма, ощущение скорой победы, летали между верстовыми столбиками великой империи. Две русские армии под руководством генералов Рузского и Брусилова в результате наступления захватили Львов. С обеих сторон в противостоянии с Австро-Венгерской коалицией участвовало около полутора миллионов человек – масштабы, свойственные задачам передела мира. Константин Арцыбашев, будучи представителем древнего, но обедневшего дворянского рода, воспитанный в лучших традициях долга перед отечеством, с нетерпением ожидал отправки на фронт, хотя зрение подводило. Он успокаивал жену и дочь, что продлится военная компания недолго и закончится наилучшим образом, тревожиться не о чем, но ему будет спокойнее, если они на некоторое время уедут в Ахтырку к его родителям. Он написал отцу, что отправляется в ближайшее время на фронт, беспокоится за семью, постарается уговорить жену и дочь на время переехать и просит под любым предлогом задержать их, пока ситуация не прояснится. Как показало время, которое часто смеется над людьми, ситуация прояснялась долгие четыре года. Константин тщательно скрывал опасения, что ситуация может пойти вовсе не так, как ожидается в обществе. Прямое противостояние с немецкой армией, очень хорошо подготовленной и вооруженной, грозило обернуться безумной бойней, о таком и размышлять было больно. К тому же линия фронта проходила совсем недалеко от Львова и Подольской губернии, где уютно пряталось поместье. И когда жена категорически отказалась оставлять усадьбу без присмотра – ведь он сам уверяет, что все скоро закончится, – Константин решил уговорить Леночку.

– Дорогая моя, тебе бы не помешало немного развеяться. Отдых не повредит твоим занятиям. И брат наверняка еще там, а тебе, если я не ошибаюсь, его общество представляется интересным.

Елена, конечно, с радостью не просто поехала – полетела бы туда, будь Володя. Но он написал, что срочно откомандирован на фронт, а она и так себе места не находила. Оказавшись там, где все напоминает о нем, не долго и вовсе сойти с ума. С мамой ей легче делить ожидание, мама умеет успокоить, вселить уверенность, что все будет хорошо. Можно вместе сходить в церковь, помолиться. Погруженная в свои переживания, Елена извинилась перед отцом, мол, она сейчас не готова к поездке, а без мамы тем более ехать не хотела бы. На этом обсуждение закончилось, но Константин Петрович не оставлял надежду уговорить своих дам.

Мама настояла, что пора сходить в церковь причаститься. Елена готовилась, постилась, читала молитвы, думала, в чем грешна, гадала, являются поцелуи с Володей грехом или нет. А вдруг ему приходится убивать? Но кто в этом повинен, и почему одни люди посылают убивать других? Ведь все люди одинаковы, откуда же берется ненависть? Вот это уже грех, и один грех порождает другой. Крещение избавляет от первородного греха, а потом люди сами вершат смертные грехи, и ничего не боятся.

Службу перед причастием вел молодой священник, Лена раньше его не видела. От него веяло неизъяснимой легкостью, а голос был глубокий и сильный, с трудом верилось, что молитвы читает человек – казалось, звучит орган. Она стояла сбоку от него и движений губ не видела, только чувствовала, как проходит звук.

Сначала пятидесятый псалом, потом тропари «Помилуй нас, Господи, помилуй нас»... Проводя по требнику чин таинства «Последование к исповеданию», Георгий волновался. На первой молитве он чувствовал, как дрожит голос, и только успокоился к концу стиха, когда включился какой-то внутренний запас «...ныне и присно, и во веки веков аминь» – звук пошел ровный, словно внутри раздувались меха. Он прочел вторую молитву и окончательно

пришел в себя. Когда пришла пора класть епитрахиль на голову кающегося и благословлять его крестным перстосложением, Георгий увидел перед собой девушку. Она сразу напомнила ему Варю, и волнение снова охватило его. Он постарался успокоиться, прочел молитву.

Отец Викентий, как предписано, спросил:

– Как ваше имя, и что желаете исповедать перед Богом?

Елена, тоже волнуясь, перечислила, что иногда не постится, бывает, гневается, иногда завидует, забывает прочитать утреннюю или вечернюю молитву, порой боится. Потом замялась, развернула листок и прочитала, старалась быстро, но внятно все донести. На пункте с поцелуем замялась.

– Батюшка, я не знаю, как спросить... – И снова замолчала.

Отец Викентий задал наводящий вопрос своим бархатным голосом:

– Может, дела сердечные?

Она чуть вздрогнула и сразу согласилась:

– Да, батюшка, сердечные. – И опять молчок.

– Так любовь никак грехом не является. Может, уныние?

– Да, уныние, – подхватила Елена. – За человека переживаю, на войне он, – и само с уст сорвалось, – целовались мы. – И затихла совсем.

Покаяние свершилось, и как свидетель, ходатай перед Богом, отец Викентий помолился об отпущении грехов кающейся и прочел разрешительную молитву. Сомнений в искренности раскаяния не было, но Георгия беспокоило волнение, которое с новой силой возникло в нем при виде этой девушки (теперь он знал, что её зовут Еленой).

А Елене немного полегчало. Она поставила свечку Богородице, попросила заступничества, защиты для любимого и, скрестив руки на груди, погрузилась в Таинство Причащения, где под видом хлеба и вина вкушаемо Тело и Кровь Господа.

Когда они с матерью вернулись домой, девушка увидела нервно ходящего из угла в угол отца. Константин Петрович нервно теребил в руках небольшой лист бумаги. Елена, конечно, и помыслить не могла, что это письмо от бабушки с известием о гибели Володи. Ее горячо любимого Володи.

29

Девочки в составе внушительной делегации решили нанести официальный визит по месту моего проживания с целью получения документального подтверждения наличия у меня возлюбленной. Маленькая черно-белая фотография подверглась тщательному изучению, и последовали выводы – иначе, зачем было приходить. Заходить в квартиру инспекторы отказались, оценка происходила на лестничной площадке, тихо и по-деловому. На мою долю выпало отражать иронические взгляды отца и острые искорки из-под ресниц взволнованных одноклассниц. Не давала покоя мысль, почему вечно попадаю в дурацкие ситуации? Соврал бы, что нет фотографии, или отказался бы показывать. Но откуда ж я знал, что явится такая компания!

Когда это было? Сразу после переезда из центра в новостройки. Новая школа, значит, пятый класс, двенадцать лет. Приметы времени одежда и обувь. Помню цвета, с моделями сложнее. Правда, о каких моделях в то время могла идти речь? Все просто. Туфли, чулки, в основном коричнево-телесных оттенков. Школьная форма, украшенная беленькими воротничками, прячется под разношерстными пальто. Судя по цвету одежды, стояла осень или ранняя весна.

По завершении непродолжительного визита трепетной юности отец долго смеялся. Солнечные лучи радостно разбегались по комнате через окна восьмого этажа, разделяя его веселье. Точно, весна, осенью в это время пасмурно.

Привнесенный мной опыт проведения внеклассного времени одноклассники восприняли на ура. Мальчишки отнеслись достаточно равно. У них давно сложились союзы, мирно сосуществовавшие друг с другом. Я, придерживаясь нейтралитета, сохранял хорошие отношения со всеми сторонами. Отсутствие родителей в дневные часы, наличие хомья и прекрасный обзор с последнего этажа привлекали ребят в нашу квартиру.

Отец парковал первую собственную автомашину, «Москвич», около дома. Дворник, убирая территорию, вынужден был огибать это место. Вид нарождающейся частной собственности вызывал у него праведный гнев. Сверху было хорошо слышно размеренное шарканье его метлы и прерывистое чертыханье. Он заслужил почетный первый номер в списке объектов бомбометания. В качестве снарядов использовались сырые яйца и испорченные овощи. Однажды заглянул Козин, парень из соседнего дома, простодушный и прямой. Единственное, что в нем раздражало, неприятный запах изо рта, но если держаться на некотором расстоянии, проблема исчезала. Он легко согласился пройти испытание на выносливость. Снял рубашку, надел папин пиджак, и запущенный в рукав Тихон устремился к выходу из лабиринта. Не прошло и минуты, как Сергей носился по комнате, невнятно умоляя прекратить пытку, поскольку истерический смех исключал членораздельную речь. В конце концов он сбросил пиджак, и на пол выпали какие-то пакетики. Пока я ловил прекрасно выполнившего свою работу Тихона, Сергей произнес громко и отчетливо: «Презервативы».

Это загадочное слово иногда звучало в мальчишеских кругах. Известно было, что они резиновые, используются взрослыми, стоят четыре копейки и продаются в аптеках. Пока мы разрывали упаковку, с улицы донеслось знакомое шарканье и ругань дворника. Идея использования белой, непрозрачной оболочки пришла мгновенно. Сергей двумя руками поддерживал снизу наполняемый водой презерватив. Мне выпало регулировать напор воды из крана. Когда бесформенная емкость почти вышла из-под контроля, мы вынесли ее на балкон, прицелились и отправили в свободное падение. Эффект превысил все ожидания. Грохот от соприкосновения с асфальтом сопровождался водяными осколками, устремившимися во все стороны с огромной скоростью. Дворник накрыл голову руками и упал на колени, метла отлетела на несколько метров. Уж не ранило ли его? Мы присели на корточки и неза-

метно наблюдали за происходящим. Достаточно быстро объект нападения пришел в себя. Встал, огляделся по сторонам, оценил степень собственных повреждений, которые сводились к испугу и следам воды на одежде, и начал внимательно всматриваться в пространство над его головой. Через некоторое время раздался звонок в дверь. Мы не подавали признаков жизни. Звонок проверещал еще несколько раз, затем донеслось уже привычное чертыханье. После того, как хлопнула дверь лифта, я спрятал оставшиеся презервативы в карман пиджака, а Сергей отправился восвояси.

Как и следовало ожидать, дворник не оставил такой демарш без должного внимания и навестил родителей. Содержание разговора осталось мне неизвестно. В результате мне запретили переводить продукты и пугать дворника, а папе досталось за то, что он не умеет хранить презервативы.

Первое знакомство с предметом никак не могло навести на мысль, что презерватив следует использовать для защиты, ведь он показал себя незаменимым в нападении. Возможно, странные ощущения и обстоятельства первичного применения развили у меня в дальнейшем нелюбовь к использованию средства в качестве предохранителя, похожего на сдерживающий атаку ограничитель.

30

– Рядовой Радзиевский, – выкрикнул дневальный, когда после трех часов строевой вошли в расположение роты.

– Я, – отозвался голос, похожий на мой.

– К командиру роты, срочно.

Эхо подхватило конец фразы, а я – не свои ноги (или свои, но уже не ноги), и в несколько прыжков оказался перед дверью с табличкой «Командир роты».

– Товарищ-старший-лейтенант-разрешите-войти, – протараторил я, постучав и приоткрыв дверь.

– Проходи, садись. – В тесноватом кабинете слова прозвучали приглушенно. – Завтра отчетно-выборное комсомольское собрание. Мы посоветовались и решили выдвинуть твою кандидатуру на пост секретаря. Опыт у тебя есть, в остальном поможем.

– Да, но я член КПСС, а не ВЛКСМ, разве это допускается?

– Первый Секретарь ЦК ВЛКСМ член партии, значит, допускается.

Его отличало от комвзводов умение спокойно и убедительно излагать свою позицию. Казалось, они временщики, а он здесь неслучайно и надолго.

– Если вопросов больше нет, свободен.

Я отдал честь, развернулся кругом и начал одновременное движение левой ногой и правой рукой – все как учили.

В расположении роты тихо. В центральной части казармы ровными рядами маячат бритые головы. Сажусь на последний ряд. Похоже, угодил с корабля на бал. Давно не видел у ребят веселых и расслабленных лиц. Лектор, круглолицый с залысинами капитан, энергично жестикулирует и вещает:

– Вы люди молодые, и ничто человеческое вам не чуждо. Кого-то дома ждет девушка или жена, и вы, конечно, скучаете. В том смысле, что правая рука помогает скучать гораздо лучше, чем левая. Это я шучу. Но мне хотелось бы предостеречь вас от куда более серьезных проступков.

Совсем недавно до суда дошло дело рядового Петухова. Находясь в увольнении, Петухов принял на грудь нормальное количество водки, забрался в огород, где на беду паслась коза, белая с серыми пятнами на спине. Не знаю уж, чем она ему так приглянулась, но окаянный рядовой вступил с козой в половую связь. Бабка, хозяйка козы, увидела такой срам и давай звать на помощь. Забрали добра молодца в милицию и возбудили уголовное дело по факту скотоложства. И это вам не шуточки, за подобные любовные связи запросто можно сесть за решетку на срок до трех лет. Незнание закона от ответственности не освобождает.

Более серьезное наказание ждет рядового Полапова, который сначала вступил в сексуальные отношения с телкой – имеется в виду молодая корова, а не то, что вы подумали, – а затем и с хозяйкой, уже давно бабушкой. Этот герой рискует получить десять лет строгого режима, а то и поболее.

В этот момент грянул сигнал тревоги. Несколько минут – и мы уже на плацу в полной боевой готовности. Замполит батальона, к которому приписана наша рота, объявил:

– Китай напал на дружественное суверенное государство Вьетнам. Идут ожесточенные бои. Агрессору удалось захватить значительные территории. Зафиксировано применение химического оружия. Природно-климатические условия в зоне конфликта во многом схожи с нашими. Мы должны быть готовы, в случае необходимости, оказать помощь братскому вьетнамскому народу. В связи со сказанным необходимо уделить особое внимание повышению боеготовности подразделений. В свете последних событий командирам подразделений усилить занятия по выработке навыков применения химической защиты...

– Рядовой Радзиевский, – прозвучало за спиной, – командир полка вызывает.

Мои глаза встретились с неизменно спокойным взглядом Егорова. Не успев обратиться, получил короткое:

– Выполняйте.

Торопливо следуя за посыльным. Встречающимся на пути офицерам отдаю честь, при этом замедляю шаг, на что получаю быстрое ответное приветствие.

Мешковатому майору не до меня, он просто прошел мимо, занятый своими мыслями. А вот низкорослый капитан с заостренными чертами лица обязательно к чему-нибудь придерется, сразу видно по пристальному взгляду.

– Рядовой, как честь отдаете?! Пилотку поправьте!

Он видит меня первый и наверняка последний раз, но воспитанное системой желание дрючить стоящих на более низких ступенях неистребимо. Может не желание, а ответная реакция: если так поступают со мной, думается ему, то куда-то необходимо же это вылить, не домой же нести.

Поднимаемся на второй этаж, приближаемся к посту номер один – знамени полка, охраняемому двумя солдатами. Они застыли по стойке «смирно», правая рука фиксирует у ноги карабин. По их лицам видно, что стоят не первый час. Пока никого из начальства нет, вторая нога полусогнута. Посыльный открывает дверь и докладывает о моем прибытии.

Подполковник Плотников стоит у большого дубового стола с резными ножками. Рабочая поверхность обтянута кожей. Папки и отдельные документы в небольшом количестве аккуратно разложены по стопкам. Несколько телефонов, трубка одного из них в руке у Плотникова. Подполковник стоит лицом к окну, форма элегантно подчеркивает спортивное телосложение. В деталях улавливаются повадки щеголя. По слухам, уходит учиться в академию.

Попав в поле зрения, получаю молчаливое разрешение сесть. День наполнен неожиданными событиями, пытаюсь угадать продолжение. Размышления мои прерывает вопрос:

– Как проходит привыкание к армейской жизни? Есть ли притеснения со стороны старослужащих?

– К службе претензий нет, товарищ подполковник.

– Слышал, тебя собирались избрать секретарем комсомольской организации. Собрание было?

– Собрание назначено на завтра.

– Отлично, – оживился он. – Есть вопрос, который следует дополнительно рассмотреть на собрании. Вы как член партии должны понимать, что ситуация в вооруженном конфликте непростая. Наша страна не может официально послать вооруженные силы на помощь Вьетнаму. – Он сделал паузу вроде той, из первого разговора, а затем продолжил: – Добровольцев – может. Завтра мне нужны заявления в письменной форме. – Манера изложения и тон сомнений не оставляли – речь шла не о просьбе. – Надеюсь, Вам удастся объяснить сложившуюся международную ситуацию и повести комсомольцев за собой личным примером. Если вопросов нет, свободны. Завтра доложите результаты.

– Есть! – Я отдал честь и направился в расположение роты.

По сравнению с перспективой участия в военных действиях против Китая на территории Вьетнама прежние самые жуткие прогнозы представлялись в розовом цвете.

31

Копыта глухо врезаются в мягкий чернозем. Лучи солнца, касаясь крон деревьев, растворяются в лесной чаще. Отряд из десяти красноармейцев под моим командованием выполняет особое задание.

Уездный центр Мена переходил из рук в руки. Белые по железной дороге получали подкрепления из-за Десны. Эшелоны, перевозившие живую силу, оружие и боеприпасы хорошо охранялись. Прилегающая к участку железной дороги территория от реки до Мены была напичкана постами, засадами и контролировалась конными разъездами.

Родные места помогали под покровом сумерек через поляны и тропинки, минуя заставы, вести отряд к железнодорожному мосту. Стемнело. Продвигаться в темноте становилось опасно, бойцы и кони вымотались. «Рукой подать до родного села, где можно перекусить, немного поспать, а коль повезет, так и к Вальке наведаться», – подумал я и приказал спешиться.

– Хоронитесь здесь тихо, покамест не ворочусь, – распорядился я и добавил: – Ежели белых в деревне нет, заночуем.

– Не горячись, Вань, – по-товарищески увещевал Григорий, – а вдруг тебя поджидают, они ж тоже не дурни какие-нибудь, сыты уже твоими наскоками.

– Так я и не собираюсь на рожон лезть. Тишком гляну, что да как, и разом обратно, – настаивал я. Можно б отрубить, мол, не твое дело, но цыган боевой товарищ, да и в деревне, когда с соседскими за девок бились, не раз на выручку приходил.

– Тогда вместе пойдем, – насупился он, чувствуя что меня не переубедить.

– Ежели со мной что случится, ты за старшего. Рисковать вдвоем нельзя, каждый боец на счету. А передышка нужна, а то лошадей загоним.

На том и порешили.

Сливаясь с кустами и деревьями, добрался до крайних изб, что неподалеку от леса притаились. Улиц избегал, все огородами. У тетки Серафимы злющий Полкан, чуть за ногу не хватил. Еще когда яблоки таскали, беда с ним была: то штаны порвет, то картуз истреплет. Чумной, одно слово. А вот за этим сарайчиком и родной дом. Запахло мамкиными щами, картошкой печеной, ноги сами подпрыгнули, легко перемахнув через забор.

Окна закрыты ставнями. Раньше, когда батька был, редко запирали, а нынче не те времена, да и мать в доме одна. Стучать тихо – не услышит, наверняка на печи спит, только соседей встревожу. Да и кто его знает, что нынче в деревне делается. Через крыльцо лезть без пользы, дверь на оглоблю закрыта. Подхожу к сенцам, достаю шашку, просовываю меж косяком и створкой, медленно поднимаю тяжелый крючок и со скрипом открываю дверь. Вхожу, тихо притворяю дверь.

Под ногами что-то хрустнуло. Не похоже на мать, чтоб не прибрано было. Чиркаю спичку от себя – при мне Федька, сын соседский, чиркнул на себя, и сера горящая прямо в глаз. Орал жутко, потом, как разбойник, с повязкой черной ходил. Обиду затаил, дескать, спички негодные ему подал. Я потом под проходящий поезд чудом не упал – его проделки. Глаза поднимаю осмотреться – на меня штыки направлены, их белые держат. Рванулся назад, по затылку что-то тяжелое ударило, в голове заходило, закружилось, ноги соломинами подломились...

Темно, доносятся обрывки слов... Вода быстрыми ручейками бежит по лицу, тело ломит, над ухом кто-то орет. Приоткрываю глаза. За столом у окна на месте где раньше всегда сидел отец, до того как уехал на прииски и не вернулся, развалился офицер. Видно хорошо звезданули, не могу понять, какого чина будет.

– Очухался наконец? – полусонным голосом спросил он.

Получается, давно поджидали. Лицо заспанное, китель не застегнут, кобура с портупеей лежит на столе.

– Удивлен, Иван, нашему визиту? Не ждал гостей золотопогонных? Зря ты о нас плохого мнения. Видно, не научили твою лихую голову, что противника опасно недооценивать. Да, не хватает вам наших знаний, а нам вашей наглости. Контрразведка, к сожалению не та, что была при царской армии, но некоторые задачи решать способна. Тебя вот, кстати, поймали. Все очень просто, как по учебнику. Диверсионные операции, характеризуемые хорошим знанием местности и привлечением местного населения, как правило, проводятся при непосредственном участии аборигенов или долго проживавших на данной местности людей. Выяснить, кто подался в красные, дело несложное. Деревня твоя, как и вся Россия, расколота на части, недругов у тебя хватает.

Он замолчал, услышав шум за дверью. Раздался чей-то голос:

– Штабс-капитану Арцыбашеву срочно прибыть в штаб.

– Вынужден прервать нашу беседу, – сказал он, и повернулся к вестовому, – с рассветом доставьте его в штаб.

32

Улица большого города. Время около полудня. Жарко. Электронное табло информирует: температура воздуха плюс пятьдесят градусов. Не покидает ощущение сауны, из которой не выйти, и ноги сами приводят к телеге с горой лимонов. Худощавый индус разрезает их и пропускает через напоминающий мясорубку механизм. Отходы производства уже образовали огромную кучу, которые с удовольствием пережевывает корова. Она же перерабатывает их в лепешки, создавая тем самым рай для мух, которые, не в силах определиться, суетливо курсируют между результатами человеческой и коровьей переработки. Замкнутый природный цикл – не эстетичен, но совершенен. Понимаю, что даже острая жажда не заставит меня стать звеном этой цепочки.

Ловлю такси, принять душ в номере – заветная мечта. Останавливается машина черного цвета, ее создатели уже давно умерли. Водитель в скрюченном состоянии нависает над рулем. Называю отель, автомобиль кряхтит, но трогается. На перекрестке к машине бросаются люди: мужчина на костыле, кто-то без рук, женщина с ребенком, у которого из уха течет кровь, несколько детей, замотанных в тряпки со следами крови. Непонятно, как люди в таком состоянии передвигаются. Первое желание оказать первую помощь. Водитель останавливает меня и говорит:

– They just want money.¹⁰

– Actually? – удивился я. – But they're all in blood.¹¹

Не все было понятно из его объяснения. Смесь английского и хинди требует времени для восприятия.

Они немного актеры, и это не кровь – такой вывод следовал из его слов. Буйство попрошаек нарастает, они без остановки дубасят по стеклам. Окровавленные дети вниз головой маячат снаружи. Машины вдруг тронулись, и мы утонули в потоке. На следующих светофорах, вняв совету водителя, отпрянул от окна и разместился в центре заднего сидения. Такую бескомпромиссную борьбу за жизнь следует один раз увидеть, чтобы лучше осознать грань.

Останавливаемся на бензоколонке. Катаемся около двух часов – огромные пробки. Ноги затекли и не помещаются в тесном пространстве между спинкой водительского кресла и моим сиденьем. Открываю дверь, чтобы выйти и размяться. Поэтапно извлекаю тело наружу и обращаю внимание на скрытую газетой неровность под левым ботинком. Она начинает, к моему ужасу, двигаться. Оказывается, это прохожий решил отдохнуть. Не пьяный, конечно, не очень чистый, но это никого не удивляет, кроме меня.

Трудно привыкнуть к левостороннему движению, машины и пешеходы появляются не понятно, откуда и так же исчезают. Дурным тоном считается останавливаться на красный свет, если нет машин, зато звуковой сигнал – самый используемый элемент управления автомобилем. Слева через дорогу метрах в ста по диагонали появляется современное здание моей гостиницы. Водитель на перекрестке поворачивает налево, минует разделительное бетонное ограждение и плавно выезжает на встречную полосу, выбирая кратчайший путь. Желание выскочить сдерживает опытом извлечения себя через заднюю дверь – времени явно не хватит. Пять полос, каждая забита движущимся навстречу транспортом. Пытаемся разъезжаться. Автомобили, словно корабли, касающиеся бортами на легкой волне у причала. Следы подобной манеры езды присутствуют на подавляющем числе двух, трех и четырех колесных образцов техники. Судя по реакции водителей, происходящее никого не удивляет. Начинаю понимать, что не столь важно, как, куда и каким образом ты двигаешься; главное

¹⁰ – Они просто хотят денег.

¹¹ – Вы уверены? Они все в крови. (англ.)

оставлять возможность разъехаться, включая тротуары, обочины – любую пригодную для маневра территорию. В результате подобных действий в России либо произошла бы авария, либо, случись ее каким-то чудом избежать, водителя вынули бы из машины и отдубасили. Мы же доехали целыми и невредимыми. Интересно, откуда у наследников этой древней цивилизации такая терпимость друг к другу? Кто мудро стер жестокость из программы эмоций, учитывая огромное перенаселение в этих местах?

Поднимаюсь в номер, раздеваюсь и в душ. Видимо, не закрыл форточку – комары, возможно малярийные. Вода, струящаяся из крана, сомнительного цвета, беру бутылку минералки. Выключается свет. Рот с трудом воспринимает зубную пасту и щетку. Бреду, натыкаюсь, сажусь на край кровати, ложусь. Ноги на полу, руки вдоль тела, простыня пахнет сыростью. Комары зудят, отбиваюсь, лицу досталось, им нет. Включился свет, встаю, беру бутылку, плетусь в душ – напряжение и духота отступают.

Выхожу из номера. Иду в китайский ресторан. Дешево, вкусно, быстро. Сажусь в такси, медленно рожая английские слова: «Отвезите в центр, место развлечений, где дискотеки, ночные бары, рестораны». Водитель смотрит на меня с некоторым недоумением, кивает, машина медленно набирает скорость. Силуэты зданий, напоминающих наши пятиэтажки, чередуются с пустынными пейзажами и сооружениями, пережившими свое время. Город быстро погрузился в темноту, сменив дневную суету на ленивую тишину. Машина, подпрыгивая, вписывается в поворот, фары вырывают из мрака кусок освещенного асфальта и булыжники на нем. Водитель бросает автомобиль в сторону – пронесло. Спрашиваю, что это значит. Водитель неторопливо покачивает руль, пытается включить нужную передачу и так же лениво поясняет:

– Дороги плохо освещены. Если машина ломается, оставлять ее на дороге без ограждения опасно, поэтому используют камни. Когда уезжают, забывают их убрать.

– Интересно, но мы могли разбиться.

– Бог всецело занят этой страной, на другие просто не хватает времени. Если он отвлечется, страна погибнет.

Останавливаемся на площади, проблемы с парковкой даже у такси. На фоне общего полумрака здание из белого камня и толпящиеся у входа люди щедро залиты светом. Оставляю водителю несколько рупий и выхожу. Доносятся звуки веселой танцевальной музыки. Молодые мужчины в белых рубашках толпятся у входа, словно стая чаек, ждущих окончания шторма. Двое служащих в униформе приветствуют меня наклоном головы и вежливо интересуются:

– Извините, с кем Вы пришли?

– Один, а какое это имеет значение? – отвечаю я, испытывая некоторую неловкость.

Странно, прямо как дома, вечно какие-то проблемы, чтобы пройти в ночное заведение. Нужен или блат, или каждому, кто попадется на пути, дать денег, которых нет.

– На дискотеку можно пройти только с девушкой, – спокойно объясняет один из служащих.

– Но я приехал из другой страны, где мне взять девушку? – пытаюсь убедительно возражать.

Без тени эмоций служащий продолжает разъяснять правила:

– Молодые люди, которые стоят у входа, тоже пришли без девушек. Они ждут, когда их пригласит девушка, которая придет без пары.

– Вы хотите сказать, что я должен стать в очереди и ждать, когда меня выберут? – Недоумение мое растет.

Если нашим девушкам рассказать, что есть страна, где молодые люди простаивают часами в ожидании, когда их выберут, чтобы просто пройти на дискотеку, они не поверят или начнется паломничество. Готовлюсь к новым открытиям.

– Вам не надо будет стоять в очереди. Если вы понравитесь девушке, она проведет вас. – Своим ответом он пытается успокоить меня или убедить в гуманности правил.

– Я хочу послушать музыку и посмотреть, как танцуют, вот и все, – продолжаю упорствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.